

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Евгений ЩЕПЕТНОВ

МОНАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Евгений Щепетнов
Монах
Серия «Монах», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5316231

Монах: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2013

ISBN 978-5-9922-1364-5

Аннотация

Параллельный мир... Как он там оказался? Кто его перенес? И, главное, зачем? Все похоже на Землю – вот только жители поклоняются злему демону, обладают умением колдовать, а по лесам бродят кикиморы и лешие. Трудно придется Андрею в этом мире. Он должен победить Зло... Но как это сделать? Может, подскажет древний дракон? Или объяснят умные книги? Он не знает. А пока что несут его крылья огромного дракона в неизвестность, а маленький дракончик на плече выпускает когти, посверкивая кошачьими глазами и ехидно объясняя человеку, кто в мире хозяин. Его ждут приключения, о которых он и не мечтал, и бывший монах, бывший наемный убийца, должен не просто выжить, но и защитить своих друзей. Получится ли это у него?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	36
Глава 3	69
Глава 4	104
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Евгений Щепетнов

Монах

*Искусственных слез нам хватает, но вроде
Надо плакать, а мы улыбаемся,
Может быть, эти роли нам не подходят
И зря мы так сильно стараемся...*

Валентин Стрыкало

Пролог

Андрей стоял и смотрел, как над младенцем заносят кри-
вой вороненый нож. Веревка больно врезалась в кисти рук,
он попробовал шевельнуться, но чуть не упал – ноги тоже
были плотно связаны.

Ребенок заливался плачем, а толпа радостно ревела:

– Бей! Бей! Бей!

Крик ребенка оборвался, и исчадие показал толпе окро-
вавленные руки, потом провел ими по своему лицу, оставляя
красные полосы. Все еще громче заревели:

– Саган! Саган! Саган!

В толпе начали срывать с себя одежду, голые прихожане
скакали возле алтаря Сагана и совершали неприличные те-
лодвижения.

Затем исчадие повернулся к монаху и сказал:

– Теперь твоя очередь отправиться к нашему Отцу! Ты будешь служить ему, ползать у его ног, вылизывать плевки, проклятый боголюб! Что, страшно, ничтожество? Ну, где твой Светлый Бог, чего он тебя не защищает?

Глава 1

Утренний колокол как всегда прозвучал в пять утра. Андрей поднялся со своей узкой койки, не позволяя себе валяться ни секунды дольше, чем положено, натянул рясу и поспешил в храм. Обычная утренняя молитва, потом Божественная литургия, и вот уже грядки с огурцами.

Андрею нравилось это послушание в огороде, он выдергивал стебли сорняков, пробивавшиеся из навоза, в котором торчали огуречные всходы, и думал: «Сколько я здесь? Три года? Да, сегодня будет уже три года. Вряд ли кто-то меня ищет – за эти годы сменились правительства, одних олигархов разогнали, появились другие... а я все в этом монастыре. Однако юбилей!»

Он усмехнулся, потом посерьезнел, худое скуластое лицо обострилось, и его мысленному взору снова предстала картина: в прицеле винтовки лицо мужчины, мягкое нажатие на спусковой крючок... голова мужчины разлетается, и брызги крови заливают выбежавшую маленькую девочку, которая смотрит на мертвого отца. Она страшно кричит – ему не слышно крика, только в прицеле видно, как широко разевается ее маленький рот.

Он бросает СВД и уходит с крыши. На душе у него поганно, а на его счете в банке прибавится сто тысяч долларов.

Ему нет оправдания, он знал это. Все двадцать лет жизни

из тех сорока трех, что пока отпустил ему Господь, он убивал и убивал людей.

Вначале – на войне, на которую попал молодым парнем из глухой деревни.

Ему нравилось в армии – если в деревне ему надо было много работать за грошовую зарплату и в конце концов спиться и сдохнуть где-то под забором, как его отец, то в армии надо было только исполнять приказы командиров и умело убивать людей.

Да и людей ли? Они не были людьми – так, мишени в прицеле винтовки. Ему было интересно: хлоп! – и цель погасла. Как в тире. Подкрался к противнику, резанул ножом по горлу – труп.

Вскоре он достиг большого умения в уничтожении врага, его заметили и послали на специальные курсы – курсы диверсантов. Учили владеть всеми видами оружия, управлять транспортом, уметь маскироваться и втираться в доверие – с одной целью: убивать.

Государству всегда были нужны умелые убийцы, во все времена. Вякнул что-то лишнее журналист – отрезать ему голову. Предприниматель поднял голову – срезать ее. Политик мыслит неправильно, антинародно – сделать так, чтобы больше не мыслил совсем.

А ведь кроме этого есть и личные интересы – ведь столько людей мешают жить! Мешают зарабатывать... Андрей не помнил уже, как и в какой момент стал не солдатом, а наем-

ным убийцей – наверное, с тех пор, как ему начали платить за ликвидации.

В армии все было проще: приказали – убил – выпил – лег спать. Ну и вариации – пожрал, потрахался... Тут же было сложнее – в мирной жизни ликвидатора надо было еще заинтересовать, чтобы работал лучше. И его заинтересовывали.

К сорока годам он обладал круглым счетом в банке, десятью ранениями – восемью легкими и двумя тяжелыми – и грузом воспоминаний.

У него не было ни семьи, ни друзей – он при такой жизни не мог позволить себе завести семью или сблизиться с кем-то настолько, чтобы стать другом. Ведь дружба подразумевает отсутствие лжи, семья – какую-то стационарную точку для проживания, а это приводит к уязвимости и, как следствие, к гибели.

В конце концов за ним накопился такой груз совершенных убийств, что кто-то наверху сказал: «Хватит! Он зажился! Он знает слишком много!» – и его попытались убрать.

О нет! Они научили его слишком многому, чтобы он мог так просто позволить себя грохнуть. Он ушел, уничтожив своих «чистильщиков», вот только и жить как прежде он тоже не мог. Все ждали, что он, любитель хорошего вина, красивых женщин, кинется в бега за границу – благо у него были заграничные паспорта нескольких стран на разные имена, – но Андрей, поразмыслив, поступил по-другому: он ушел в монастырь. Да не в такой монастырь, где рядом были боль-

шие города, комфорт и сладкая жизнь, а в настоящий – в тайге, далеко на севере, где монахи действительно думали о Боге, а не притворялись, мечтая во время молитвы о сладкой еде и удовольствиях.

Начал он с самых низов, послушником, а через два года принял постриг. Теперь его звали Андреем. Имя, которое дала ему мать в глухой пензенской деревеньке, осталось в прошлом, имя Андрей пристало к нему так, как будто было всегда связано с его личностью.

Вначале он не предполагал оставаться в монастыре долго – мол, отсижусь, пережду, пока гроза не пронесется над головой, а потом и вернусь в мир. Он не мог даже снять деньги со счета – его могли отследить, вычислить его передвижения.

Наличных ему едва хватило, чтобы доехать до дальнего монастыря, и то на попутках, так как вокзалы и аэропорты были для него закрыты. Убийцу неожиданно легко приняли в монастырь – он представил поддельный паспорт, – люди тут были просты и доверчивы, как и многие в глубинке, выделили келью, в которой он и жил уже три года.

Первое время Андрей посещал молебны, будто выполнял докучливую, но необходимую работу, как в армии, – ну надо так надо. Стой на коленях и повторяй молитву. Днем работай на послушании – копай, таскай, пили и руби.

И только вечером он оставался наедине со своими мыслями, в строгой келье. Не было телевизора, не было Интернета,

не было книг – ничто не мешало мозгу перерабатывать всю ту информацию, что скопилась за годы.

То, чему Андрей не позволял вылезать на свет божий, начинало прорываться из-под поставленных им блоков – трупы, убийства, кровь. Он вертелся на постели, но мысли не оставляли его, перед глазами стояли сцены убийств, страшные картины, не оставляющие его ни днем ни ночью. Он не мог исповедаться – не решался. Во-первых: как отреагирует монашеская братия на появление в их рядах такого монстра, исчадия ада? Во-вторых: а если кто-то проговорится? Он боялся навлечь беду не только на себя – ведь могли зачистить и свидетелей, которые его видели и которым он мог что-то рассказать о своих делах на той же исповеди.

Он стал молиться. Он стал истово молиться, чтобы его прошлое не терзало душу, чтобы Бог простил его. Неожиданно для самого себя он глубоко уверовал – видимо, что-то есть такое в этих монастырях, если он, закоренелый убийца, смог понять глубину своего падения... а может, время пришло? Каждый человек, прожив долгую жизнь, начинает задумываться – а правильно ли он жил? И Андрей задумался...

Зазвенел колокол к обеду, Андрей разогнул усталую спину и пошел к бочке с дождевой водой – тщательно отмыл испачканные в земле и травяном зеленом соке руки и побрел в трапезную. После обеда будет недолгий отдых, опять работа на свежем воздухе, в пять часов вечернее богослужение, ужин и снова в келью.

Как всегда перед сном, Андрей встал на колени и долго молился, не обращая внимания на боль в коленях. Он просил у Бога освободить его от ночных кошмаров, терзающих его последние годы, и простить за совершенные преступления. Но, видимо, этих молитв было недостаточно, так как каждую ночь его преследовали лица убитых им людей, он бежал, прятался от них, но они снова и снова появлялись. Во сне кто-то его хватал, выталкивал навстречу тянущимся ледяным рукам убитых им людей... и он просыпался в холодном поту, потом долго не мог уснуть, а иногда – не пытался заснуть, а становился на колени и молился до утра, повторяя и повторяя слова: «Прости мне, Господи, мои прегрешения!»

Прозвенел колокол ко сну, и Андрей дисциплинированно встал с колен, улегся на узкую жесткую койку, покрытую тонким ватным матрасом, накрылся колючим шерстяным одеялом и усилием воли попытался заснуть. Дисциплинированный, тренированный мозг отреагировал на посыл, и через пятнадцать минут он уже крепко спал.

Снилось ему, будто он лежит на пригорке, обдуваемый теплым весенним ветерком, вокруг чирикают и попискивают птички, щеку щекочет муравей, заползший на него с высокой сухой былинки. Андрей улыбнулся – хороший, приятный сон. Хоть не эти страшные кошмары...

Вдруг он осознал – какой сон?! Он и правда лежит на пригорке! И его вправду обдувает ветерком! Андрей осмот-

рел себя: он в нижнем белье – белая полотняная рубаша, полотняные штаны вместо трусов, так положено монастырским уставом, и больше ничего нет!

Монах сел и осмотрелся. Вокруг нетронутый лес – голубые ели, поляна, поросшая зеленой сочной травой и оранжевыми цветами... вроде как называются они «жарки», почему-то вспомнилось ему. Жужжали пчелы, и он подумал: «Где-то тут пасека. Надо идти к людям, там и определюсь, куда забросил меня Господь. Интересно, а куда делся монастырь?»

Андрей сделал несколько шагов, скривился – современный человек давно отвык ходить босиком. Не хватало еще проколоть подошву и получить заражение...

Подумав, снял рубашу и оторвал у нее рукава, засунул в них босые ноги, кое-как примотал оторванными от подола полосками ткани и сделал несколько неуверенных шагов – вроде нормально, теперь можно двигаться.

Осмотревшись, примерно определил: если и есть поблизости населенный пункт, то ниже по реке – внизу несла пенящиеся воды небольшая быстрая речка. Туда и следовало идти.

Через минут десять он доковылял до реки, все время оглядываясь – было странно тихо, настолько тихо, что собственное дыхание слышалось как громкий шум. Не было самолетов, не было никаких следов цивилизации.

Вдруг ему показалось, что снизу по течению послышался

крик петуха. Он принялся – нет, пахнуло дымом. Монах ободрился и зашагал вдоль реки, обходя коряги и упавшие, заросшие мхом стволы елей. Он прошел около пятисот метров, когда показались первые дома – рубленные из толстых бревен, с крашеными наличниками и высокими козырьками над крылечками. С пригорка ему было видно, как на больших огородах позади домов ползают по грядкам люди. Носившиеся по улице ребятишки, заметив чужака, застыли с открытыми ртами.

Он усмехнулся – и правда дикое зрелище: сорокалетний худой высокий мужик в нижнем белье с оторванными руками, из рубахи торчат жилистые руки, перевитые крупными венами, – он как-то на спор ломал, разгибая, старую подкову, найденную в одной из горных деревень Кавказа.

Андрей махнул ребятишкам рукой и сказал:

– Эй, огольцы, где тут у вас телефон? Может, у вас есть? Дайте позвонить, я недолго!

Он решил позвонить в монастырь, номер настоятеля отца Павла он знал наизусть, память у бывшего убийцы была феноменальная, притом его специально тренировали запоминать – нужное умение для диверсанта.

Ребятишки странно посмотрели на него, потом один что-то сказал на непонятном языке – вроде и русский, слова похожи, но понять, что он говорит, было невозможно.

Андрей пожал плечами и пошел дальше, раздумывая: «Куда меня забросило? Или забросили? Опоили, что ли? То

ли Сербия, то ли Западная Украина – язык вроде славянский, но не русский, это точно. Ладно, вон церковь видать, спрошу у местного священника, объясню ситуацию».

Солнечные лучи весело играли на золотых куполах небольшой церкви, кресты сверкали на солнце, успокаивая душу. Андрей бодро шагал к зданию, вот только почему-то на душе было тревожно. Он не мог понять, что же его раздражает в этой церкви, что-то непонятное не нравится ему в ней, но усилием воли он заставил себя успокоиться и к храму подошел расслабленным, благостным.

Поднявшись по ступенькам, он вошел в церковь, перешагнул порог и привычно, с поклоном перекрестился. В церкви шла служба, священник – почему-то в ярко-красном одеянии с темными полосами – распевал какие-то гимны, в которых все время повторялось: Саган! Саган!

Он заметил вошедшего и перекрестившегося человека, осекся на полуслове, стих и небольшой хор певчих, и все вытаращив глаза уставились на Андрея. Он удивился – чего так тарашиться-то? Ну да, в нижнем белье, ну звиняйте! Так свой же, православный, в нижнем белье, что ли, не видали?

Он еще раз перекрестился на большую икону, и вдруг ему в глаза бросилось... о ужас! Вместо Христа на иконе была изображена мерзкая рогатая рожа – Сатана!

Андрей присмотрелся – крест за алтарем был перевернут. Теперь ему стало ясно, что же так обеспокоило его при виде церкви, – кресты на куполах тоже были перевернуты! «И как

это мне сразу не бросилось-то в глаза, просто, похоже, я не мог поверить, мозг отказывался это воспринять, ведь *такого не может быть!*»

«Священник» с амвона указал на него рукой и крикнул что-то типа: «Стоять! Не двигаться!», но Андрей с омерзением плюнул в иконы, повернулся и пошел прочь – надо было выбираться из этого вертепа.

«Да куда же я попал, мать их за ногу?! – с отчаянием подумал он. – Что за сатанинский поселок? Сваливать отсюда надо, пока не взяли за задницу! Чую, тут пахнет жареным! А если сейчас не пахнет, то может запахнуть... только вот как-то не хочется, чтобы это был запах меня, жаренного на вертеле...»

Он вспомнил глаза этого «священника» – у того как будто даже челюсть отвалилась от неподчинения чужака, как будто он увидел морского змея.

Андрей не видел, как из дверей «церкви» вылетела толпа прихожан. Только когда они были уже рядом и стали слышны их пыхтение и топот, Андрей обернулся и разглядел своих преследователей.

На первый взгляд они ничем не отличались от обычных прихожан и на второй тоже, вот только не было в них никакой благодати, а в руках добрые прихожане держали здоровенные ножи, пригодные чтобы нашинковать не только капустку, но еще и заблудившегося христианина.

– Что вам надо? – спокойно спросил он, надеясь все-таки

закончить миром. – Я сейчас уйду, и никому не будет неприятностей. Стойте на месте!

Позади пыхтящей и обливающейся потом паствы появился псевдосвященник. Он повелительно повел рукой, и толпа расступилась. «Священник» начал что-то говорить на «сербском» языке – как понял Андрей, вроде о святотатстве, что ли. Он показал на Андрея, а потом встал в позу, поднял руки над головой, затрясся, закатив глаза, и прокричал несколько слов, из которых Андрей узнал только «Саган! Саган!».

Все с любопытством замерли, как будто ожидали, что сейчас чужака разразит гром или он упадет мертвым. Ничего не случилось, Андрей пожал плечами, сказал:

– Шли бы вы отсюда, нехристи гребаные, – и перекрестил толпу и «священника», благословляя их к походу.

Это подействовало так, будто он облил их дерьмом или помочился на них, – они отшатнулись, их лица искривились от отвращения, а «священник» яростно провизжал что-то и указал на супостата.

Тут же пассивность толпы сменилась яростным порывом, и вооруженные «мачете» отморозки дружно навалились на Андрея. Если бы это были молодые, тренированные ребята – тут бы ему и конец. Спасло то, что это были неспортивные и неуклюжие крестьяне, больше привыкшие махать косой, чем клинками, а потому Андрей легко ушел от размахистых ударов, перенаправив их в соседей – двое тут же оказались на земле, покалеченные своими же соратниками. Один упал

от пушечного хлесткого удара в сердце – хотя Андрей и давно не тренировался в рукопашном бое, но умения никуда не делись, а благодаря тяжелому физическому труду на свежем воздухе и здоровому рациону питания он не лишился спортивной формы.

Еще один упал как кегля, еще... руки, ножи мелькали перед глазами, как лопасти вентилятора. Спину ожег удар палкой – гаденыш подкрался сбоку и все-таки достал его, – перехватив палку, монах вырубил негодяя.

На земле лежало уже с десяток противников, когда Андрей заметил бегущих им на подмогу человек двадцать мужиков с вилами и дрекольями и понял: теперь только ноги спасут. Он сбил с ног двух оставшихся сатанистов, прикинул – вроде успеваает, – шагнул к одному из лежащих на земле и стащил с него хромовые сапоги. Этот тип был примерно одного с ним роста – около ста восьмидесяти сантиметров, и размер ноги, по прикидкам, должен быть таким же, как у Андрея. Еще десять секунд ушло на вытрясание придурка из толстой стеганой куртки, и вот Андрей бежит со всех ног вдоль улицы, спасаясь от разъяренных крестьян.

«Слава богу, что я в форме и не гнушался тяжелыми работами, – подумал он, легкими стелющимися прыжками удаляясь от толпы. – Пульс в норме, даже не запыхался – есть еще порох в пороховницах! Ну ладно, пороха нет, так есть теперь тесак!» Андрей взвесил в ладони этот «хлебрез», осмотрел его на ходу – тесак как тесак, кованный в кузне, не фабрич-

ного производства. Так что сказать, где он был сделан, невозможно. То есть страну определить нельзя.

Он бежал все дальше и дальше по проселочной дороге, пока не заметил километрах в пяти от села тропинку, уводящую в лес. Предположив, что это тропа к какому-то зимовью или шалашу косарей, Андрей свернул на нее, опасаясь погоны на лошадях. Он всю дорогу так и бежал почти босиком, в импровизированных башмаках из рукавов рубахи.

Присев на пенек, Андрей прикинул по ноге сапоги, снял истертые «башмаки» и натянул трофейную обувь. Потопал ногой – слава богу! – впору. Накинул на плечи куртку, снятую с нокаутированного, а может, мертвого сатаниста, и пошел дальше.

Тропа закончилась через метров пятьсот поляной, за которой просматривалось цветущее поле – похоже, гречишное. На поляне стояли несколько десятков ульев, мало отличающихся от тех, что Андрей видел в монастыре. За ними виднелся небольшой деревянный домишко, имевший вполне мирный вид. Однако, памятуя о событиях, случившихся часом раньше в селе, Андрей направился к домику, зажав в руке нож и будучи настороже – может, и здесь логово сатанистов? Кто знает, что происходит в этой стране... этак и Бабы-яги дожدهшься – ничуть не более удивительно, чем церковь Сатаны!

Как будто отвечая его мыслям, из домика вышла натуральная Баба-яга, сморщенная, как печеное яблоко, с тем-

ным костлявым лицом и тонкими руками, покрытыми пигментными пятнами.

Андрей подумал: «Сколько же тебе лет, старая? И ты, что ли, сатанизмом пробавляешься?»

Баба-яга поманила его рукой, сказала что-то – видимо, предложила заходить. Он вошел в полутемные сени, шагнул в избу и опять, увидев в красном углу закрытые занавеской образа, совершенно не думая, на автомате, широко перекрестился на них.

Бабка вздрогнула, закрыла рот рукой, схватилась за сердце, потом погрозила ему пальцем и что-то сказала. Оглянулась, проворно задернула занавески на окнах и только потом раздвинула покровы в красном углу.

Андрей с облегчением увидел образа – немного отличающиеся от тех, которые он видел раньше в своей жизни, но вполне узнаваемые и родные. Он еще раз перекрестился на них и поклонился иконам.

Бабка подошла к нему, наклонила его голову и поцеловала в лоб. По ее щекам катились слезы, она что-то прошептала и указала ему на стул. Сама села напротив за столом и стала что-то спрашивать, настойчиво повторяя и указывая на куртку. Андрей развел руками – не понимаю, мол. Старуха досадливо крякнула, потом обратила внимание на его руку, на которой красовался здоровенный синяк – видимо, кто-то в свалке все-таки зацепил палкой, а он и не заметил. Она захлопотала, побежала к русской печи, достала оттуда чугу-

нок, пододвинула из-за занавески деревянное корытце, налила туда воды и стала промывать Андрею его ссадины и царапины. Наконец все царапины были промыты, старуха заставила Андрея снять рубаху и внимательно осмотрела его, что-то сердито приговаривая и бесцеремонно поворачивая вправо-влево. С интересом коснулась шрамов – два были пулевые, от них остались небольшие звездчатые пятнышки, три ножевые – тоже не спутаешь ни с чем... провела по ним пальцем и опять что-то спросила, покачивая укоризненно головой.

Неожиданно она насторожилась и, выглянув в щель между занавеской и рамой, поманила гостя пальцем – смотри, мол! Он нахмурился – по тропе, метрах в двухстах от дома, спешили на лошадях, вооруженные уже саблями и копьями («Почему копьями?! – удивился Андрей. – Из музея поперли, что ли?»), давешние его обидчики. Бабка показала на него пальцем, типа – тебя ищут? Он кивнул и огляделся, ища, куда бы спрятаться. Старуха подхватилась, вытащила откуда-то иконы, на которых он заметил изображение нечистого, с отвращением плюнула на них, перекрестилась на образа Бога и прикрыла их богомерзкой доской. Задвинула занавеску, схватила Андрея за руку и поволокла из дома, как трактор, с неожиданной для такой старой бабки силой.

Возле дома была длинная, крытая соломой землянка – видимо, в ней зимой держали пчел, она так и называлась – пчельник. Старуха открыла дверь и толкнула Андрея

внутри – иди! Затем показала ему – прикройся там, мол, и сиди! Потом захлопнула дверь и умчалась, дробно топая ногами по тропинке.

Андрей усмехнулся – шустрая старушенция, интересно, сколько ей лет? Осмотрелся в темноте – глаза уже немного привыкли, а через щели в двери просачивались небольшие лучики света – и присел в дальнем углу, навалив на себя какую-то пыльную рогожу и обломки ульев. Было неприятно, за шиворот сыпалась труха и мышинное дерьмо, однако лучше быть в дерьме, но живым, рассудил Андрей. В первый раз, что ли? И в сортире, в выгребной яме приходилось отсиживаться, по сравнению с тем случаем этот – просто курорт.

Дверь в зимник распахнулась, послышались голоса, стало светло, затем легла какая-то тень – как будто в дверном проеме кто-то стоял и, наклонившись, пытался рассмотреть землянку изнутри. Наконец дверь опять захлопнулась, и вновь стало темно.

Андрей перевел дух и выпустил рукоять ножа, которую сжимал так, что рука побелела от напряжения. Он усмехнулся – отвык от таких стрессов, спокойная и размеренная жизнь монастыря расслабила, пора уж снова превращаться в убийцу... вот только пора ли? Ему стало тошно. И захотелось, чтобы все это безумие было лишь кошмарным сном и он снова бы проснулся в своей тесной полутемной келье.

Сколько прошло времени, он не знал, наверное, минут двадцать или чуть больше. Дверь снова распахнулась, и раз-

дался голос старухи. Он не понял, что она сказала, и на всякий случай не стал покидать свое убежище.

Бабка, кряхтя, прошла вниз, сдернула с него рогожу и показала – пошли, мол. Андрей облегченно стряхнул с себя мусор и выбрался наружу.

Солнце, уже склоняющееся к горизонту, ослепило его яркими лучами – после темного подвала он никак не мог проморгаться, – и глаза заслезились. Пока протирал, рядом образовался старик, такой же древний, как и старуха, спрятавшая его в зимник. Он что-то резко спросил у старухи и осуждающе покачал головой. Она ответила, отмахнулась от него и показала Андрею – пошли к колодцу, мыться надо – и сняла с его головы паутину и труху.

Вот так начал свою жизнь в новом мире бывший убийца, потом монах, потом неизвестно кто – Андрей Бесфамильный. Бесфамильный – он всегда усмехался, читая это у себя в паспорте. Какой-то идиот из Управления не придумал ничего лучше, как дать такую фамилию человеку с фальшивой родословной, фальшивым именем и фальшивой жизнью. Может быть, он считал, по своей глупости, что такая фамилия будет меньше привлекать внимания? А может, наоборот, ему претил этот конвейер убийств и он хотел привлечь внимание к этому человеку? В любом случае – Андрей никогда не использовал документы с такой фамилией, и вот поди ж ты, она всплыла в его памяти как родная.

Уже месяц он жил у старика со старухой. К ним редко кто навевался – сезон меда только начался, за продуктами они ходили в лавку сами, а если все же появлялся гость, Андрей прятался по кустам или в пчельник. Он понимал, что долго это продолжаться не может и нельзя подвергать стариков опасности – если его тут увидят, найдут, то не миновать расправы: мало того что он осквернил храм Сагана, перекрестившись и плюнув в его иконы в знак презрения, так еще и убил двух прихожан. Бесполезно говорить, что убит лично им только один, а второй пал от рук своего подельника, когда Андрей увернулся от тесака, – все равно это результат его действий.

Во все окрестные деревни были разосланы ориентировки – высокий, худощавый бородатый мужчина с длинными черными с проседью волосами, связанными на затылке в хвост.

На всякий случай Евдокия – так звали старуху – побрила ему голову налысо, и от бороды он избавился, теперь скоблил щеки ножом каждый день. Подобрали ему из гардероба деда Пахома старые вещи, крепкие, почти ненадеванные.

За это время Андрей узнал об этом мире все, что можно было узнать, от стариков, проживших в деревне Лыськово всю жизнь. Начал он, конечно, с языка и через неделю вполне сносно изъяснялся на славском языке. Язык чем-то напоминал старославянский – не зря ему показалось, что похоже на сербский язык, вот только тот был более современен, а

потому его было легче понять. Много было и неизвестных слов – возможно, что эти слова позже были утрачены. Вернее, то, что они обозначали, стали обозначать другими словами, и даже значение многих слов изменилось, некоторые вполне произносимые слова стали в будущем даже ругательствами... Сложнее было с алфавитом – эти каракульки, букашки вместо привычных букв приводили Андрея в замешательство. Но через три недели он уже мог, с трудом, правда, читать молитвенник. Что еще можно было добиться от старика со старушкой? Они сами-то были полуграмотные...

Теперь, после того как овладел языком, Андрей мог уже расспросить – что же тут такое происходит, в самом-то деле, почему вера в Бога преследуется, как на Земле преследуется сатанизм, и даже гораздо беспощаднее, и где, в каком мире он вообще находится?

После долгих расспросов и уточнений он сумел сложить кое-какую картину: это была вроде и Земля, но Земля, как будто застывшая в раннем Средневековье, отставшая от его Земли на сотни, а может, и на тысячи лет. Впрочем, даже не так. Она не отстала, прогресс просто остановился. Не одобрялись никакие нововведения, никакие новые технологии – только то, что было на момент... на момент чего? Что произошло в определенный момент, какое событие, после которого цивилизация застыла?

Он решил оставить это на потом – старики все равно не могли сказать ничего вразумительного. Его интересовал

главный вопрос: как так оказалось, что по стране стоят церкви Сатаны?

Выяснилось: много лет назад, старики и не знали, сколько именно лет, появились исчадия. Это были избранные темной силой люди, наделенные способностью воздействовать на людей – они могли убивать словом, превращать в бессловесных рабов. Никто не мог противостоять им. Те, кто не хотел принимать веру в черного бога, или уходили в леса, или убивались исчадиями, приносились в жертву. Церкви Светлого Бога захватывались, священники уничтожались – для исчадий не было лучшей жертвы, чем служитель Светлого, они говорили, что это особенно угодно Сагану.

Был ли Саган тем самым Сатаной? Этого Андрей не знал. Самое главное было то, что все, что было свято и правильно для людей его мира, здесь подвергалось поруганию. В храме проводились богохульные и нередко кровавые службы, на которых приносились в жертву люди, и очень часто – дети. Люди продавали своих детей, чтобы их приносили в жертву, и радостно наблюдали, как их убивают на алтаре, восхваляя Сагана.

Поклоняющиеся Светлому Богу остались, но они глубоко законспирировались, образа Бога передавались из поколения в поколение вместе с верой, и их, верующих, становилось все меньше и меньше.

В тесных общинах, где все на виду, жить без того, чтобы не участвовать в оргиях сатанистов, было невозможно –

Андрей даже подумал, что эти деревеньки надо вообще сносить, настолько они были пропитаны духом нечистого. В городах положение было полегче – трудно уследить, ходит человек на моления или нет. Поэтому дух вольнолюбия и христианства там сохранился больше, хотя и выжигался каленым железом.

Худшее, что услышал Андрей, – сатанизм стал государственной религией. Он поддерживался власть имущими, насаждался ими, все богатые люди или были исчадиями, или же истово им служили. Проповедовался культ силы: если ты богатый, если ты могущественный, ты можешь делать все что угодно, разумеется, при условии, что это не входит в противоречие с интересами Сагана и его прислужников. Законы существовали, да. Но все они были направлены на то, чтобы сатанистам легче было управлять людьми, – бедные и слабые являлись, по сути, кормушкой для богатых.

Конечно, были ограничения – соблюдалась видимость законопорядка, бедный, обиженный богатым, мог обратиться за праведным судом к власти, но неизменно выходило так, что виноват бедный. И он прощался с имуществом, а то и с жизнью. Для этого всегда находился повод – кто-то видел, что этот человек плевался на храм Сагана или вел хулительные разговоры по пьянке... результат был один – «преступник» заканчивал жизнь на жертвенном алтаре. Поощрялись наркотики, пьянство, разврат – растленным народом легче управлять, легче держать его в узде.

Как-то ночью он долго думал над тем, почему оказался тут, и версии у него были разные. Первое, что пришло в голову, – может, его сослали сюда, как в ад? За все его прегрешения...

А может, это испытание? Сможет ли он в этом аду выдержать и остаться человеком, христианином?

Может, его задача умереть, сделаться мучеником, чтобы потом попасть в рай? Но он не хотел пока что умирать, не собирался... по крайней мере, не забрав с собой кучу врагов. Он уже пожил в собственном аду и не сдался, не дал себя убить, почему тут он должен капитулировать?

И главная версия, которую он никак не хотел допускать в свою голову: он послан, чтобы изменить этот мир, чтобы противостоять Сатане, чтобы уничтожить Сатану.

Смешно – ну как, как он может это сделать? Один против всего мира Зла, без пушек и пулеметов, без каких-то умений, против исчадий, которые могли убить просто словом «умри!» – и человек падал замертво. Что он мог сделать?

Кстати сказать, вот эта «экстрасенсорика» исчадий его сильно заинтересовала, а еще больше тот факт, что он до сих пор жив. Ведь «священник»-исчадие в самом деле пытался воздействовать на него своей злой силой, но для него это было как осенний ветерок – только холод по коже, и все. Может быть, до тех пор, пока он верит в Бога, он защищен против исчадий? Господь дал ему способности, каких нет ни у одного из обитателей этого мира? Может быть, и так. По крайней

мере, ему хотелось в это верить.

Через месяц он засобирился уходить. Нельзя было подставлять старика со старухой – они были хорошими людьми. И их гибель легла бы тяжким грузом на его душу. Он так нарисовался тут, в Лыськово, что каждый встречный тут же узнал бы его и сдал исчадиям. А уж их точно заинтересовало бы – что за человек такой попался, почему это на него не действует злое колдовство и не будет ли Сагану угодно принесение в жертву такого интересного человека.

Он мог затеряться только в большом городе. И такой город был не очень далеко: в ста километрах от Лыськова, а назывался он Нарск. По словам стариков, в нем людей было видимо-невидимо, после долгих расчетов и расспросов он с удивлением узнал, что в Нарске живет не менее ста тысяч человек, а может, и больше. Все-таки он попал не совсем в Средневековье – тогда столько людей не жило по миру. Из Нарска ходили караваны по всему матеруку, торговали всем, в том числе и рабами.

Рабство тут было в порядке вещей – кстати сказать, люди, которых он видел в огородах, когда только появился в этом мире, были рабами. Это его не удивило – если уж наркотики в ранге положенного, то уж рабство само напрашивалось как закон жизни. На Кавказе он не раз освобождал рабов, работавших на богатых хозяев, – обычно взрывал дом современного рабовладельца, бросив туда несколько гранат...

Итак, однажды ночью он покинул гостеприимных стари-

ков. Евдокия всплакнула, перекрестила его, а Пахом крепко обнял и сказал:

– Держись. Не дай исчадиям себя убить. Зря, что ли, мы старались, прятали тебя? Нас, боголюбов, осталось мало, береги себя. Иди с Богом!

Он помахал им на прощание и двинулся в путь. Идти Андрей решил ночами, чтобы не привлекать к себе внимания. В котомке у него было два каравай хлеба, кусок сыра, кусок копченого мяса, кресало, чтобы разжигать огонь, тыквенная фляга и тот самый тесак, который он отобрал у сатанистов. По его расчетам, через трое суток он должен был достигнуть конечной цели своего путешествия.

Ночи были прохладные, и Андрей спасался быстрой ходьбой, а также курткой, которую снял у убитого им сельчанина. Утром он останавливался на отдых где-нибудь подальше от тракта и спал под широкими лапами елей, на толстой подушке из иголок.

Как-то, закутавшись в куртку и засыпая, он подумал: «А может, действительно, это мне наказание такое? Может, Господь говорит – отправляйся к себе подобным! Всю жизнь ты служил Сатане, вот тут тебе и место, а не в монастыре!» От этих мыслей ему стало грустно и одиноко. Не радовали ни шелест деревьев, ни пение птиц, ни теплое прикосновение солнечных лучей к коже. Неприятно и горько чувствовать себя никому не нужным человеком, от которого отвернулся даже Бог...

На третий день он попал в беду. На него набрели охотники за рабами.

Он уже знал, что таких в этом мире хватало, они объединялись в шайки и искали добычу на пустынных дорогах – хватали одиноких путников, а потом продавали в рабство на рынках городов. Старики особо его предупреждали по поводу такой беды, и все-таки он не смог избежать неприятностей.

Обнаружили его совершенно случайно, Андрей успел проснуться, когда они подошли, но это уже не имело значения – скрыться не получится, ему оставалось только или бежать, или драться.

Ловцов людей было четверо. Здоровенные сытые мужики, вооруженные огромными тесаками – те служили в этом мире и плотницкими топорами, и оружием, и ножами для повседневных нужд. Кроме того, у охотников за рабами была сеть, которую набрасывали на жертву.

Сейчас воспользоваться сетью они не могли, так как Андрей лежал под елью – мешали ветки, но и шанса убежать работорговцы давать ему не собирались, обступив дерево со всех сторон.

– Эй ты, вылезай оттуда, – насмешливо сказал рыжий мужик лет сорока, – все равно же достанем! Попался так попался! Теперь ты наш. Если сразу не вылезешь, будут неприятности, покалечить не покалечим, все-таки ты товар, но больно будет, это точно. Слышишь, что ли? Давай, говорю, вы-

лезай!

– Щас вылезу... только дайте с духом собраться, – угрюмо буркнул Андрей. – А может, кого-нибудь еще поищите? Как-то не хочется мне с вами дело иметь!

Разбойники заржали:

– Ну насмешил! Смешной какой раб! Может, его шутлом сделать? Отрежем ему уши, рот разрежем, татуировки сделаем – и продадим богатым, они любят веселых шутов! А что, Антип, и правда, может, отвести его к татуировщику, он его украсит, больше денег возьмем?

Андрей прервал их веселые рассуждения о том, как на него нанесут аэрографию, дабы он выглядел более презентабельным при продаже, и выкатился из-под ели, держа в руке нож-тесак.

Конечно, с мачете бандитов его железка сравниться не могла – короче чуть ли не в два раза и тоньше, но их мачете висели на поясах, а его нож был у него в руке.

Первым движением Андрей резанул отточенным лезвием по внутренней поверхности бедра рыжего предводителя – просто тот оказался ближе к нему, обратным движением подрезал подколенные сухожилия у второго.

На ногах осталось двое. Один из них, державший сеть, ловко кинул ее на катающегося по земле Андрея – тот лишь чудом увернулся, иначе его участь была бы предрешена.

Андрей вскочил на ноги, автоматически перебросил нож из руки в руку и побежал на оставшихся двух бандитов,

страшно крича и вращая глазами – чтобы утратить и внести смятение в их души.

Тот, что с сетью, видимо, был опытным бойцом и не отреагировал на его психическую атаку, а вот второй подался назад, зацепился ногой за поваленное дерево и чуть не упал, потеряв равновесие. Андрей воспользовался этим и длинным выпадом воткнул ему нож в бок, сразу отпрянув и встав в боевую стойку.

Бандит с сетью посмотрел на стонущих порезанных соратников, на убитого и миролюбиво сказал:

– Ну все, все, давай разойдемся. Вижу, мы выбрали не тут цель. По тебе же не скажешь, что ты воин, думали, бродяга какой-то. Давай не будем доводить дело до конца, а?

– Я бы не доводил, но, понимаешь, какое дело – я ненавижу рабовладельцев.

Еще не закончив фразу, Андрей сделал выпад и ткнул клинком в лицо бандита, тот не ожидал такой прыти, выронил тесак и зажал лицо руками – из-под его ладоней обильно потекла кровь, собираясь ручейком на подбородке и капая на землю. Андрей сделал еще выпад, и бандит упал с распоротой шеей.

Подобрал бандитский тесак и пошел к лежащим на земле подрезанным бандюкам. Опытным глазом определил: «Этот уже покойник, вон сколько крови вылилось – наверное, бедренную артерию рассек. А этот... этот остался бы хромым... если бы я позволил». Он коротким движением рассек череп

скулящего и ползающего по земле бандита, тот задержался в конвульсиях и умер.

Андрей присел, прислонившись спиной к одинокой березе, прибудившейся в этом еловом лесу, и, глядя на трупы, задумался: «Что, неужели я возвращаюсь к временам, когда я был хладнокровным убийцей? Мне это понравилось, то, что я убил этих идиотов? Вроде нет. Хотя определенное чувство удовлетворения у меня есть. Они служили Сатане, пусть, может быть, не осознанно, но служили, а потому – я сделал все правильно. Правильно? Да, правильно. Я освободил мир хоть от небольшого количества скверны. И что теперь? Я так и буду освобождать мир от скверны? Путем убийства? А почему нет? Выжигать скверну каленым железом, искоренять сатанизм и его пособников – разве это плохая дорога?»

Андрею после таких мыслей сразу стало легче. Все-таки какой-то путь вырисовывается, какой-то смысл жизни, кроме того что эту самую жизнь надо тупо сохранить. А почему тупо? Умно сохранить. И нанести воинству Сатаны как можно больше вреда.

Он выбрал подходящего по росту бандита, снял с него штаны, рубаху, куртку – они были гораздо более приличные, чем у него, он был одет действительно как бродяга в обноски Пахома, слишком ему короткие. Сапоги оставил – сапоги у него были хорошие, с зажиточного лыськовца. Обшарил трупы – нашел несколько серебряных монет, медяки, а у рыжего

даже два золотых. Это его очень обрадовало – хотя Андрей и обходил все населенные пункты по широкой дуге, но в конце концов он придет в город, а там надо будет питаться, где-то ночевать, пока удастся найти какую-то работу. А он хоть и монах, но питаться молитвами еще не научился.

Собрав окровавленную одежду, Андрей пошел искать речку – впрочем, чего было ее искать, когда она протекала над горой, возле тракта, внизу. Подождав, когда проедут две подводы с мешками – наверное, мука или зерно, – он рысцой пересек тракт и спустился по обрыву, выбрав место, где его не было видно с дороги.

Выполоскав и отстирав пятна крови – благо, что она не успела как следует свернуться и потому сделать это было несложно, – Андрей отжал шмотки и, оглядываясь по сторонам, снова поднялся в лес. Отойдя километров десять от места боя, он разложил мокрую одежду на солнцепеке, а сам облегченно завалился спать, забравшись в густой колючий кустарник – что-то вроде терновника. Теперь подобраться к нему было непросто. Уже когда он засыпал, в голову ему стукнула мысль – какого черта он не обшарил окрестности вокруг места драки – бандиты ведь, скорее всего, передвигались верхом! Вот что значит человек двадцать первого века, определил, что машина здесь не пройдет, а о лошадях даже не подумал.

Он встрепенулся – пойти сейчас туда, что ли? А если кто-то нашел трупы? А вдруг там люди, вдруг на кого-то

нарвешься... зачем ему это? В седле он держится фигово... Да черт с ними, с этими лошадьми! Раньше надо было думать. С тем он и уснул.

Проснувшись под вечер и выбравшись из своего тернового куста, Андрей первым делом ощупал выложенную для просушки одежду – она была сухая и чистая, теперь можно было, не обладая особой брезгливостью, натянуть ее на себя, что он и сделал, оставив стариковские обноски для мышей. Андрей посмотрел на солнце, уже касающееся горизонта, на тихий лес и зашагал по дороге. Сегодня он рассчитывал дойти до Нарска, переночевать опять в лесу, а утром, когда откроются ворота, войти в город.

Выглядел он уже более или менее прилично, от Лыськова, где было много желающих с ним поквитаться, отошел довольно далеко, так что опасаться ему особо было нечего.

Глава 2

К Нарску Андрей подошел перед рассветом.

Он мог бы войти в город, но что ему было делать ранним утром на пустынных улицах, когда все еще спят, а магазины и лавки закрыты? Он должен найти работу, какую – еще не знал. Что он умел лучше всего? Хм... полоть сорняки на огуречной грядке. Носить воду и рубить дрова. Драться и убивать людей.

«Невелик выбор! – усмехнулся он. – Или грязная тупая работа, или возврат к своему черному прошлому. Вот только наемным убийцей я больше не буду. А кем тогда? Ну можно пойти в армию... есть же у них армия, в самом деле? Видимо, есть. А если тебя пошлют собирать людей для принесения их в жертву на алтаре Сатаны, пойдешь? Взбунтуешься? Тут тебе и конец. Кстати, а кто меня возьмет в армию-то, я же не умею фехтовать на мечах или саблях. Идти в рекруты, с молодыми парнями... стремно как-то. А СВД мне вряд ли выдадут, «калашников» тоже. В телохранители податься? А кто меня возьмет телохранителем – я же никто и звать меня никак. Кто доверит свою жизнь никому не известному мужику? Ладно. Там видно будет. Пока что надо переждать несколько часов, до тех пор пока город проснется».

Андрей зашагал к ближайшему лесу, на вид не сильно загаженному.

Впрочем, оказалось, это впечатление было обманчиво, и он долго искал незагаженный участок: как всегда и везде, горожане мало заботились о чистоте предместий и выкидывали мусор где попало.

Обозлившись, он выматерился и решил все-таки переночевать на постоялом дворе. Денег у него было мало, но не валяться же в строительном мусоре, собачьем дерьме и лошадиных яблоках?

Постоялый двор он обнаружил недалеко от городских ворот. Купцы или просто приезжие, не успевшие попасть в город засветло, могли переночевать здесь за небольшую плату. Впрочем, Андрею плата небольшой не показалась, и снять комнату на несколько часов за два серебряника он отказался.

После недолгой торговли ему было предложено спать в конюшне, на сеновале за три медяка. Дорого, конечно, но делать было нечего, и вскоре он уже лежал на втором этаже огромной конюшни, подложив себе под голову охапку сена.

Внизу фыркали лошади, пахло конским потом и навозом, и запах этот почему-то показался ему таким уютным и успокаивающим, как будто он был в родном доме. Огромные животные переступали копытами, всхрапывали во сне, уснул и Андрей, утомившись за время ночной многокилометровой прогулки.

Проспал он часов пять, затем резко, как по команде, вскочил, отряхнулся и пошел к лесенке, ведущей вниз.

На постоялом дворе кипела жизнь – суетились мальчиш-

ки, таскающие воду лошадям и на кухню, купцы, проспавшие ранний выезд, покрикивали на конюших, запрягающих лошадей.

Андрей, не обращая внимания на суету, направился к воротам Нарска.

Стотысячный город был окружен мощной крепостной стеной, построенной скорее всего очень давно. Еще ночью Андрей заметил, что ворота крепости были открыты, но не очень удивился – может, просто устал, чтобы об этом думать, и хотел спать. Теперь же он вспомнил этот факт.

Из книг он знал, что на ночь крепости обычно закрывали ворота, с тем чтобы открыть их в определенное время утром, пропуская всех за пошлину. Тут и пошлины никто не взимал – все проходили свободно.

Вот только смотрели стражники на каждого входящего в город и выходящего из него очень внимательно. Андрей решил, что эти ворота что-то вроде КПП, служащие для того, чтобы фильтровать поток людей. Он взял себе это на заметку – пройти через КПП незаметно было практически невозможно.

Он миновал стражников беспрепятственно, наряд охраны ощупал его внимательными взглядами, но его заурядная внешность не вызвала никаких вопросов. Его волосы отросли, трехдневная борода ничуть не отличалась от таких же бород каких-нибудь возчиков или разнорабочих, в общем – обычный сорокалетний мужик, потертый жизнью.

Улицы города были вымощены брусчаткой, и на них было довольно чисто. Скоро Андрей понял почему – на каждом перекрестке он видел людей, подметающих, чистящих, моющих. Приятно удивился – он ожидал от Средневековья грязи, вони, отсутствия канализации, чумы и мор, а тут вот что... моют мостовую, понимаешь... Потом присмотрелся – а люди-то в железных ошейниках... и клеймо на щеке. Его передернуло – вот и он бы так же вскорости выскребал и надраивал мостовые... И улицы уже не казались ему такими великолепными и достойными подражания. Лучше бы воняли...

Вокруг суетился народ – толкали свои тележки зеленщици, с грохотом проезжали крытые повозки и кареты, сверкающие позолотой, с важными, как крысы в «Золушке», кучерами на облучках. Они щедро рассыпали по улице удары кнута, стараясь зацепить как можно больше прохожих, как будто от этого зависел их социальный статус.

Прохожие молча или с руганью уворачивались от кнута и колес – степень возмущения зависела от статуса проезжающего и наличия охраны в кильватере кареты. Обложив матом важного господина, можно было получить и саблей вдоль спины – такой случай произошел буквально на глазах Андрея. Кучер одной золоченой кареты с громадными, в рост человека колесами ударил кожаным кнутом прохожего, несущего корзину с овощами, за то, что тот недостаточно быстро уступил ему дорогу.

Прохожий скривился от боли и покрыл и кучера, и карету с «разъезжающими богатыми уродами» великолепной матерной тирадой. Тут же налетела конная охрана богатея, и мужика забили саблями – слава богу, хоть плашмя, а не посекли остриями. Однако и этого хватило. Мужчина остался лежать на мостовой, обливаясь кровью, без сознания, а его товар из корзинки расхватили с хихиканьем оборванцы из ближайшей подворотни.

Люди равнодушно шли мимо лежащего на мостовой мужчины – ну сдох и сдох, что с того? Завтра и мы сдохнем... какое нам дело? Один из оборванцев подбежал и стал шарить по карманам и за пазухой лежащего, тут уже Андрей не выдержал и, подойдя сзади к мародеру, с силой врезал ему сапогом в копчик – тот взвыл от боли и улетел под ноги своим соратникам, где и приземлился вполне благополучно, возможно, сломал одну из своих мерзких ручонок. Шпана в подворотне, как и в мире Андрея, стала «возбухать»:

– Эй ты, козел! Че ты тут распоряжаешься?! Парня зашиб, придется заплатить за ущерб!

Андрею было противно смотреть на их мерзкие рожи, он подумал: «Шакалята, попались бы вы мне где-нибудь на войне... – на куски бы порезал паскуд!»

Потом лицо его просветлело – а что, не на войне, что ли? Он шагнул к ним, на ходу доставая здоровенный тесак, но ублюдков как ветром сдуло, как только из-за пазухи показалась рукоятка оружия. Эти порождения улиц прекрасно зна-

ли, когда выступать, а когда смываться.

Холодная ярость отступила, Андрей вернулся к лежащему на мостовой мужчине и услышал, что тот постанывает. Заниматься с ним Андрею было некогда – он и так припозднился из-за своей ночевки, за которую отдал аж три медяка, потому решил: «Оттащу его с проезжей части к стене дома, посидит, оклемается да и пойдет по своим делам».

Так он и поступил, однако не успел повернуться и уйти, как услышал за спиной хриплый голос:

– Постой, уважаемый! Не уходи! Помоги мне дойти до дома, я боюсь, что меня снова ограбят и изобьют, помоги! Я заплачу тебе! Пять медяков! Серебреник! Серебреник дам! Только доведи... – Мужчина закашлялся и стал заваливаться на бок.

«Деньги с него брать, конечно, грех, – подумал Андрей, – но и бросать его тут, рядом с этой шпаной, еще больший грех. Опять меня испытывает Господь? Так и придется тащить... весь перемажусь в крови, мать его за ногу...»

Он вернулся к полулежащему у стены дома мужчине – того уже, пока Андрей раздумывал, вырвало на мостовую.

– Да ну что за день начался! – с отвращением буркнул Андрей. – Мне только блевотины еще не хватало! Цепляйся за шею, аника-воин, и показывай, куда идти.

Стараясь не обращать внимания на вонь, исходящую от пострадавшего, на кровь, заляпавшую его куртку, он поднял мужчину, перекинул его руку через свое плечо и пошел впе-

ред, под разочарованными взглядами уличной шпаны, держащейся в почтительном отдалении.

Мужчина тяжело дышал, и его все время тошнило. Андрей уверенно определил – тяжелое сотрясение мозга. Да и немудрено, если вспомнить, как по его голове истоиво дубасили саблями охранники «олигарха».

Идти пришлось довольно долго – минут сорок, не меньше, пострадавший старался передвигать ноги, но глаза его закатывались, и он время от времени норовил потерять сознание.

Наконец они дошли – мужик ткнул пальцем в вывеску «Серый кот».

Это было какое-то питейное заведение, и, ввалившись в него вместе с раненым, Андрей, как и ожидал, увидел стойку бара, деревянные столы с поцарапанными лакированными крышками, людей, поглощавших какую-то еду и пивших пиво из глиняных кружек.

То, что это было пиво, Андрей определил сразу – в воздухе витал густой запах пролитой пенистой жидкости, знакомый ему по многочисленным пивным на Земле. Этот запах нравился ему – запах хлеба, запах хмеля, запах... мужской компании.

Он любил иногда отправиться в народ – пойти в какую-нибудь забегаловку, где продавали разливное пиво, и пить его, заедая сушеной воблой с красной горьковато-соленой икрой, слушая разговоры раскрасневшихся мужиков, обсуждающих последний футбольный матч, проклятых пиндосов,

сующих нос не в свое дело, и продажных поляков, давших разместить пиндосские ракеты у нас в прихожей.

Такие выходы в народ были для него чем-то вроде релаксации, после них он возвращался в свою берлогу как будто подзарядившимся – ему казалось, что вроде как даже у него есть какие-то друзья, с которыми он может выпить, поговорить не только о ликвидациих и деньгах, а обо всем, что придет в голову.

Не раз и не два такие посиделки или «постоялки» заканчивались дракой – кто-то наезжал, кому-то не нравилось, что собутыльник болеет за «Спартак», а не за «Динамо» – но все было безобидно, без поножовщины, так, мордобой на уровне «Ты меня не уважаешь!». Это его забавляло тем больше, что он каждый раз успевал свалить до появления милиции, практика, умение не пропъешь.

Вот и эта пивнушка была вроде тех «Зеркалок», «Штанов» и «Красненьких», в которых иногда зависал. Злчные места частенько имели свои, народные имена: «Зеркалка» – кафе «Зеркальное», «Штаны» – кафе без названия, между двух сходящихся улиц, на острие их, «Красненькое» – из красного кирпича сложено...

Навстречу ввалившейся в пивнушку парочке грозно шагнул вышибала, парень лет тридцати, может, конечно, ему было и меньше, но из-за многочисленных шрамов и повреждений на лице трудно определить. Увидев, кого внес на себе вошедший, он закричал:

– Матрена, скорее сюда, тут Василия принесли! Побитый весь! – Потом обратился к Андрею: – Кто его? Грабители?

– Нет. Охрана какого-то важного чина. Кучер его кнутом перетянул, он и обматерил их.

– Я ведь ему говорила, я ему говорила – не связывайся. Сдерживай язык! – Дородная румяная женщина средних лет всплеснула руками и распорядилась: – Несите его в комнату, сейчас я его отмывать буду. Похоже, рана на голове.

Андрей и вышибала потащили раненого за барную стойку, где за бочками, бутылками и мешками виднелась дверь в подсобное помещение. За ней оказался длинный коридор, приведший их к нескольким комнатам, располагавшимся справа и слева. В одну из них было внесено тело несчастного бунтаря и уложено на постель.

Через полчаса Андрей сидел за столом в пивной, ел горячее рагу из баранины со специями, запивал холодным шипучим пивом, ласково пощипывающим нёбо, и размышлял о превратностях судьбы: «Еще три года назад я легко прошел бы мимо валяющегося на тротуаре заблеванного мужика – его беда, его проблема, зачем вмешиваться? А после монастыря стал мягче, как-то потек, что ли... Не привело бы это к непредсказуемым последствиям. Этот мир не любит мягких и добрых. Василий даже не сомневался, что я помогу ему только из-за денег... Тут не принято помогать просто так. Не проколоться бы на этом... если будет предлагать деньги – надо брать. Маскироваться и еще раз маскироваться – помни,

что ты здесь чужой, ты здесь враг! Любой неверный шаг – и ты труп. Хорошо хоть, что смыл с себя блевотину... а все равно какой-то кислый запах остался».

Андрей поморщился, отхлебнув пива.

– Что, плохое пиво? – заботливо спросил вышибала, подсевший за его столик. – Да вроде только вчера новую партию свежесваренного привезли, не должно было прокиснуть.

– Нет, отмывался-отмывался, а вонь все равно осталась, – посетовал Андрей. – Как кружку правой рукой подношу к губам, так сразу блевотину чую!

– Хе-хе... блевотина, она такая! Не сразу отмоешь! Ты сам-то откуда будешь? – перешел к делу вышибала, видимо решив, что они уже познакомились: раз блевотину обсудили – считай, дружбаны!

– Я? – Андрей мысленно выругался: болван, легенду не отработал! – Я с юга пришел. Работу ищу в городе.

– Работу? А что делать умеешь? – сразу переключился на животрепещущую тему вышибала. – Тут с работой в городе не очень-то хорошо, всю хорошую горожане делают. Пришлых только на грязную работу берут. И дорого все тут – комнату снять очень дорого. Хорошо вон, хозяин предоставляет жилье. Мы в комнате вдвоем живем, с конюхом Ефимкой. Василий с Матреной живут, они повара. А хозяина шас нету... он к вечеру приходит, смотрит, чтобы порядок был. Его Петр Михалыч звать. Поговори с ним, может, пристроит куда-нибудь, он так-то дядька неплохой, тоже не без приду-

ри, правда, но разумный дяхан. И это... смотри, по улицам ночью не болтайся. Можешь или к охотникам за рабами по-пасть, или тебя исчадия заберут для принесения в жертву – у нас в городе не любят одиноких бродяг.

– А чем бродяги так насолили исчадиям? – вскользь, нарочито равнодушно поинтересовался Андрей.

– Хм... ну они ходят зря... бездельники. А Сагану нужны новые жертвы, чтобы спасти человечество. Да ну ты сам же знаешь, – облегченно засмеялся вышибала, – подкалываешь меня! Кстати, меня Петька звать, а тебя?

– Я Андрей. Скажи, Петя, а что, неужели больше нет работы в городе? Только грязная?

– Ну-у-у... можно в армию пойти. Сейчас вроде войны нету, будешь сопровождать важных людей да разгонять бунтовщиков, тех, что против власти Сагана бунтуют. Только тебя сразу-то в армию не возьмут, вначале обучать будут полгода. Ниче хорошего – будешь сидеть в казармах днями и ночами да по плацу скакать. Муштра одна. Хм... есть еще одно – можешь пойти на Круг.

– А что такое Круг?

– Да ты че? Не знаешь, что такое Круг? Откуда же ты пришел? У вас там Кругов нет? – Вышибала недоверчиво прищурился и стал внимательно разглядывать Андрея.

– Петь, я издалека, из глухой деревеньки, сажал да полол, по огороду ползал. Я и не знаю про круги какие-то. Наломался за день, придешь – и спать. Какие там круги!

– А чего же сюда подался? Чего дом-то бросил? Грядки-огород? – продолжал подозрительно исследовать Андрея вышибала.

– У нас мор был, умерло полдеревни, чума какая-то... я и сбежал в город, тут искать пропитания.

– А-а-а... бывает. Видно, у вас против Сагана были выступления, вот он вас и наказал. Ну ладно. Расскажу. Круг – это когда пойманных еретиков выпускают на круглую площадку, а с ними бьются избранные бойцы. Бойцам за это платят деньги, за то, что они убивают еретиков. Они против Сагана бунтовали, вот и страдают. Я тоже работал бойцом в Кругу, – похвастался вышибала, – пока один еретик чуть меня зрения не лишил, гад, злобный попался. Правда, я все равно его убил, боголюба мерзкого, но решил после – больше не буду в Круге биться. Лучше вышибалой пойду. Денег поменьше, зато спокойно. Выкидывай из трактира подгулявших гостей да сиди в углу, девок разглядывай! Безопасно, весело, сытно.

У Андрея встал в глотке кусок, и он стал сосредоточенно его запивать, проталкивая внутрь. Подумал: «Нет, а что я хотел от мира, где правит Сатана? Было это все уже – первых христиан кидали на арену и травили львами. И тут то же самое».

– Скажи, а какой резон этим еретикам драться с тобой? Вот тот еретик, что тебе чуть глаза не выдрал, он чего на тебя так кидался? Зачем им драться вообще?

– Ну как зачем, своих детей, жену защищают – их же тоже выпускают на арену. Я как его жену и детей подрезал, он на меня и кинулся. Думал, убьет, вроде худой был, вот как ты, а столько силы оказалось. В вас, худых, сила таится, сразу не увидишь, а когда начнешь бороться, иногда и не сладишь. Вот помню, как-то пришел один наемник в трактир, стали мы с ним на руках тягаться...

Андрей слушал болтовню вышибалы, окаменев как скала, и думал: «Если сейчас воткнуть тебе нож в глаз, ты, гаденыш, сильно будешь верещать? Господи, дай силы сдержаться! Если сейчас я его положу, мне отсюда надо будет бежать. Но ведь как хочется прирезать ублюдка! Он и сам не понимает, какой он подонок... ведь казалось бы – простой парень, даже незлобивый, но ведь тварь! Нет, твари – они Божьи, они не убивают ради развлечения, только люди это могут. А ведь я не сильно от него отличался...»

– ...Ну вот, это и есть Круг – важные господа сидят, смотрят, делают ставки – сколько продержатся еретики. И простой народ пускают, там есть кассы – принимают ставки, сколько минут продержатся. Один мой родственник как-то целую кучу денег выиграл на одном еретике, бывшем вояке, как оказалось! Он трех бойцов положил, прямо голыми руками, пришлось его исчадиям убивать. Напустили на него чуму, он так и сгнил на Кругу – покрылся черными язвами, и все хулу на Сагана кричал, чего-то про Бога, про веру... Мы так смеялись – лежит гниет, а все про Бога своего болта-

ет! Не помог ему его Бог! Ну да ладно, ты доедай, а я пойду проверю, как там Василий, да надо уже за залом смотреть. Народ собирается, вечером вообще шумно будет. Дождись Петра Михалыча, он што-нить придумает.

Вышибала ушел, а Андрей сидел над остывшим горшком с мясом – есть ему расхотелось. «Как мог образоваться такой мир, в котором все перевернуто с ног на голову? – И усмехнулся. – Ты же сам жил перевернутый, чему удивляешься? Тому, что тут нет морали? Или такой вот, походя, жестокости и подлости? Что, на Земле такого нет? Ладно, надо укрепиться тут – обживусь, приму решение, как мне жить. Неужели тут все вот такие подонки, как этот парень?»

Он посидел еще некоторое время – может, час, может, два, он не замечал течения времени, погрузившись в подобие транса. Прикрыв глаза, он молился и просил Бога наставить его на путь истинный. К концу своих размышлений Андрей пришел к выводу, что послан в этот мир очистить его от скверны. И очистить так, как он умел это делать, – убивать. Выжигать каленым железом скверну. Иначе зачем он тут?

– Ты Андрей? Петька мне сказал, что ты ищешь работу, это так? – Перед Андреем стоял невысокий полноватый человек лет пятидесяти, с седыми, зачесанными назад и покрытыми чем-то вроде масла волосами. Его маленькие умные глаза внимательно обшаривали худую фигуру монаха, как будто оценивая – много ли на нем мяса и пойдет ли оно в котел. – Что умеешь делать? Поварить? Конюхом?

– Я мало что умею, – признался Андрей, – могу помогать поварам, нарезать, мыть, могу прибираться или помогать конюху. Я быстро учусь. Могу на повара выучиться. Мне нужны работа и жилье, и я готов отработать.

– Хм... по крайней мере, честно, не наврал, – приятно удивился хозяин трактира. – Обычно начинают врать, рассказывать о том, какие они знатные повара и управляющие. Потом оказывается, что заправку-то для щей нарезать не умеют. Ну что ж, таких честных людей, как ты, надо ценить. Я возьму тебя разнорабочим, будешь помогать поварам. Таскать воду, рубить дрова, в общем, делать что скажут. В конюшню тебя не допущу – пусть конюх сам занимается, это его работа, а ты по кухне и по залу будешь работать. Жалованье тебе – серебряник в день, плюс питание. Жить будешь... хм, есть у меня комнатка, маленькая, правда – только кровать и встает. Так что будешь жить один. Это все вещи, что у тебя есть? – Он указал на тощую котомку Андрея.

– Да... как-то не обзавелся еще вещами. Вернее, бросил дома.

– Знаю, знаю... Петька рассказал мне о тебе. Что ж, давай работай. Пойдем, я тебе твою комнату покажу.

Они прошли уже знакомым коридором через подсобку, и вскоре Андрей оказался в маленькой комнатке.

И вправду она не вмещала больше чем узкую кровать, похожую на ту, на которой он спал в монастырской келье. Он был очень рад, что жить будет один: во-первых, привык к

одинокости, а во-вторых, избавлен от такого соседа, как Петья, с утра до ночи рассуждающего о своих подвигах на Круге. Он бы или с ума сошел, слушая это изо дня в день, или придушил бы его при первой возможности. Скорее – второе.

Андрей не обольщался, что задержится тут надолго. Если он начнет убивать приспешников Сатаны – а он верил, что Господь послал его именно для этого, – в конце концов его вычислят, и придется бежать. Или погибать... Вернее всего – погибать. И может, это и было его Искупление?

Уже месяц он работал в трактире «Серый кот». Как ни странно, работа мало чем отличалась от его послушания в монастыре, она была Андрею не в тягость, к тяжелой и грязной работе он привык, не отлынивал, и постепенно трактирная челядь его приняла как своего. За исключением конюха.

Этот здоровенный ленивый парень все время старался как-то его задеть, пошпынить, пройтись глупыми шутками по его безотказности и усердию.

Как-то раз Андрей проходил с полными ведрами мимо конюшни, на пороге которой сидел конюх Ефим, не упустивший случая в очередной раз высказаться в его адрес:

– Эй ты, придурок! Иди прибери у меня в конюшне! Ты же любишь работать, так иди поработай, подхалим хозяйский! Противно смотреть, как ты всем стараешься угодить! Как проститутка! А может, ты не мужик вообще, а шлюха! Пошли ко мне в конюшню, сделай мне хорошо, шлюха!

В дверях трактира и возле него собралась толпа зевак – посетители и случайные прохожие подзуживали конюха, надеясь на бесплатное развлечение: может, подерутся?

Видя такое внимание, конюх вошел в раж.

– Шлюха, ну иди скорее, я совсем уже распалился! Иди, сделай мне хорошо! – Он радостно зареготал, уверенный в полной своей безнаказанности. – А может, хозяину пожалуешься? Ты ему тоже делаешь хорошо? Кувыркаешься небось с ним, шлюха?

Андрей остановился, подумал секунду и, поставив одно ведро на землю, направился к сидящему на пороге и самодовольно скалящемуся Ефиму.

– Распалился, говоришь? Охладись! – И Андрей выплеснул ведро ледяной воды прямо в лицо негодяю.

Тот захлебнулся ледяной струей, ошеломленно заморгал, протирая глаза рукавом рубахи, а потом взревел и бросился на обидчика со всей дури своих ста двадцати килограммов:

– Убью, мразь!

Андрей автоматически увел в сторону летящий ему в лицо толстый, похожий на дыню кулак и встретил нападавшего прямым ударом в подмышечную впадину. Видимо, это было очень больно, потому что парень хрюкнул и зажал рукой больное место. После этого Андрей провел серию быстрых, как барабанная дробь, прямых ударов в солнечное сплетение – конюх свалился на землю, точно подрубленное дерево. Андрей немного подумал и врезал ему носком сапога по че-

люсти, выбив как минимум два передних зуба – чтобы помнил.

Потом повернулся, поднял брошенное ведро, подхватил второе, с водой, и зашагал к дверям трактира. Толпа зевак ошеломленно молчала, и только голос вышибалы слышался от дверей:

– Я же говорил, худые, они с сюрпризом, на вид и не скажешь, а у них в жилах вся сила!

Толпа расступилась, пропуская хмурого Андрея, и он продолжил свой путь к кухне. Ему надо было принести еще десять ведер воды.

Он ожидал, что хозяин его оштрафует или выгонит за то, что покалечил его работника, потому до вечера ходил хмурый и раздумывал, куда податься, если попрут из трактира.

Петр Михалыч пришел под вечер, как обычно. Он жил в нескольких кварталах отсюда, в обеспеченном районе, где обитал весь средний класс этого города. Андрей все ждал, когда же хозяин позовет его на расправу, но так и не дождался. Все шло своим чередом, и только поздним вечером он узнал от вышибалы, как трактирщик отреагировал на инцидент.

– Хозяин-то чуть конюха не выгнал из-за тебя, – смеясь, рассказывал Петька. – Ему передали, что конюх говорил, будто вы с хозяином занимаетесь мужеложством, а он страх как не любит мужеложцев. Так вот, он чуть конюха не выгнал и сказал, что ты правильно ему три зуба выбил. А ты злой,

оказывается! Зачем ты ему зубы-то выбил?

– Чтобы помнил. И больше не лез, – хмуро пояснил Андрей. Он уже жалел, что не сдержался и покалечил глупого конюха.

– А ты интересный мужик... – задумчиво протянул Петяка. – Где это ты так драться научился? Что-то не верится мне в глухую деревню. Что я, не видал, как дерутся бойцы? Может, расскажешь мне правду, откуда ты взялся? Все-все! Молчу! Не мое дело! – примирительно поднял руки вышибала, увидев, как на лице Андрея заходили тугие желваки. – Еще и мне зубы выбьешь!

Он засмеялся, не подозревая, насколько близок был к истине...

Вечером, лежа в постели и прокручивая в голове то, что видел за день, Андрей укладывал и сортировал информацию, планируя акции, прикидывая, как лучше сделать задуманное, да так, чтобы не засветиться. В общем, занимался тем же, чем занимался и на Земле.

Он нередко выходил в город – по поручению поваров закупал необходимые продукты, мясо, зелень, крупы... Раньше этим занимался Василий, во время одного из таких закупочных походов Андрей и познакомился с ним.

Теперь эта работа легла на Андрея, чем тот был доволен практически так же, как и Василий, с облегчением сбросивший с плеч груз забот. Андрей с интересом рассматривал город, запоминая пути отхода, расположение улиц, строение

домов. Город производил странное впечатление. Не сказать чтобы в нем не было власти, но жизнь текла как-то по-своему, видимо, по принципу – чем хуже, тем лучше.

В глаза бросались лавки, торгующие наркотиками, – их было очень много, как и курилен, где зависали те, кто не мог выносить своей жизни.

Эти люди отдавали все свое имущество, а частенько и домочадцев за понюшку наркоты, превращаясь в ходячих мертвецов. В конце концов, будучи не в силах заплатить за наркотик, они отдавали себя за определенное количество доз в рабство тем же наркоторговцам, которые потом перепродавали жалких ублюдков в храмы Сагана, где исчадия приносили их в жертву своему кумиру.

По улицам ходили женщины и мужчины, открыто предлагающие себя прохожим – и не в определенных кварталах, а везде, в обеспеченных, бедных или богатых. Они отличались только «качеством» – в бедных кварталах вряд ли взяли бы одетого в обноски мужеложца, а вот в богатых пожалуй-ста. Андрей сам видел, как золоченая карета остановилась рядом со смазливый раскрашенным парнем, оттуда высунулась рука, и мужеложца, счастливо улыбающегося от внимания сильного мира сего, поманили внутрь.

Андрей частенько пробегал мимо этого места на базар, но больше этого парня никогда не видел, хотя раньше тот частенько прохаживался по тротуару. Возможно, он нашел себе богатого «спонсора», а возможно – Андрей слышал такие

рассказы, – его использовали для какого-нибудь сатанинского обряда, с муками и расчленением.

Не раз и не два он собирался зайти в храм Сагана, посмотреть на службу этих исчадий, но так и не смог себя заставить это сделать. Он боялся не сдержаться, как-то выдать себя, разнести этот вертеп и погубить свою миссию. Все, что он пока что делал, – это определял расположение храмов, наблюдал, когда в них заканчивается служба, куда исчадия отправляются потом.

В городе было десять храмов Сагана, и в них служили примерно по десять исчадий. «При достаточном усилии, – прикидывал Андрей, – можно перебить всех исчадий за... хм... глупо планировать какие-то сроки. Как получится, так получится. А дальше что? А дальше убивать всех исчадий, что тут появятся. И они побоятся тут появляться. Параллельно надо заняться торговцами наркотиками – этих тварей точно надо уничтожить. Это пособники Сатаны. Итак: служба в храмах проходит с одиннадцати вечера и до полуночи, то есть черная месса. В остальное время они по своей воле устраивают различные молебны. Но на мессу они обязаны являться – по очереди, видимо. Видимо? А откуда видно-то? – Он выругал себя. – Что, хватку потерял? Нужен «язык»! Нужно поймать какого-нибудь исчадия и хорошенько допросить. И он будет первым, от кого я очищу этот мир. Без допроса этого порождения Зла невозможно поставить работу инквизитора как следует. Когда? Да хоть сегодня. Храм ближе к окраине,

в полночь закончится месса, полчаса они будут собираться – выследить одного из них, оттащить в безлюдное место и допросить. Пора начинать, хватит присматриваться».

Вечер начался как обычно. Андрей помогал на кухне, таскал воду и нарезал овощи, передвигал бочки с маслом и вином, подтаскивал дрова и выкидывал золу в яму за конюшней – в общем, все как всегда.

Посетителей в трактире в этот день было немного. Погода ясная и сухая, тепло – если бы был дождь, слякоть или мороз, народу бы набилось столько, что пришлось бы выставлять дополнительные столики, и вот тогда бы началось безобразие – Петька-вышибала рассказывал. Из-за тесноты возникала давка, люди, возбужденные алкоголем и скоплением народа, начинали вести себя агрессивно, вспыхивали драки, и вот тут только успевай уворачиваться от столов, стульев, бутылок... Хозяину приходилось посылать за городской стражей и платить им, чтобы те утихомирили буянов и заставили их оплатить ущерб, нанесенный имуществу трактира.

Ближе к полуночи людей становилось все меньше, они расходились, и услуги Андрея больше не понадобились. Его отпустили отдыхать. Он провел в своей каморке с полчаса, выглянул из нее, чтобы убедиться, что в коридоре нет лишних глаз, и выскользнул из трактира через заднюю дверь.

Идти до храма было довольно далеко, он находился километрах в трех от трактира, поэтому Андрей перешел на бег – надо было успеть к окончанию мессы, да и опасался он, что

его отсутствие заметят. В который раз он порадовался, что живет в каморке один и никто не может засечь его «прогулки».

Он бежал, стараясь держаться края мостовой. Улицы были безлюдны, редкие прохожие прятались при приближении бегущего незнакомца – кто знает, что у него на уме. В подворотнях копошились темные фигуры – то ли бандиты, то ли охотники за рабами... впрочем, частенько и те и другие были единым целым. Эти бандиты не успевали отреагировать на его появление, и он пробегал мимо их удивленных физиономий как ночная тень.

Оделся Андрей в темную одежду, а лицо завязал тонким платком, по типу того, как завязывали его киношные ниндзя, – ни к чему было светить свою физиономию на каждом углу. Скорее всего, после убийства исчадия, а особенно нескольких убийств, будут вспоминать и сопоставлять – кто ходил ночью, кого видели? И вот тогда всплывет информация о некой тени, пробежавшей по улицам города. «Ну и пусть! – подумал Андрей, размеренно дыша и ритмично передвигая ноги по мостовой. – Все равно лица не видно, а болтать можно все что угодно».

Минут через пятнадцать он уже стоял в подворотне у храма Сагана, наблюдая за дверями. Служба закончилась не так давно, а значит, исчадия покинут храм минут через пятнадцать – двадцать. Однако уже спустя десять минут он заметил, как дверь храма отворилась и из нее вышел исчадие в

темно-красном одеянии, запер огромным ключом замок и спокойно пошел по улице.

В голову Андрею стукнула мысль: «А если?.. Почему бы и нет?!» Он тихими шагами, прячась в тени заборов, отправился следом за приспешником Сагана и, улучив момент, спринтерским броском кинулся к нему и оглушил ударом по затылку.

Проверив пульс, удостоверился – жив, скотина! Огляделся – все спокойно. Легко, словно это не был семидесятикилограммовый мужик, а сверток одеял, поднял сатаниста, перекинул через плечо и быстрым шагом пошел к храму. Опустил исчадие у входа, сорвал у него с груди ключ, отпер дверь – механизм замка сработал неслышно, как будто был смазан маслом.

Подумалось: «Все-таки кое-какая техника тут есть, не весь прогресс придушили, видимо. Вот сейчас и узнаем, что тут происходит!»

Толкнув дверь, Андрей вошел в храм, волоча за собой, как мешок картошки, бесчувственное исчадие, затем запер дверь изнутри и осмотрелся.

Храм был темен, не горели лампы у «икон» с изображением Сагана, потухли курильницы, только в воздухе витал какой-то неприятный запах то ли тлена, то ли нечистот.

Андрей сорвал висящий перед «иконой» светильник, поставил его на столик и поискал глазами кресало, нашел, хотя в храме было очень темно – глаза уже привыкли к темно-

те, притом что на улице фонарями и не пахло, – взял кусок кремня, металлический брусок и стал истово высекать искры на кусок ваты.

Наконец тот затлеел, Андрей подул на него и появившееся небольшое пламя поднес к масляному светильнику. «Ну слава тебе, Господи! Как меня бесит в этом мире отсутствие нормальных человеческих спичек! Неделя понадобилась, чтобы я наострился обращаться с этим дурацким кресалом!»

На полу застонал исчадие, видимо, потихоньку приходил в себя, и Андрей озаботился тем, чтобы тот не доставил ему неприятностей. Он нашел какие-то полотенца в подозрительных бурых пятнах и крепко связал тому руки и ноги так, что исчадие при всем желании не мог бы высвободиться – руки были за спиной, а ноги плотно связаны и притянуты к рукам «ласточкой».

Закончив, Андрей сел на стул с высокой спинкой, вытянул ноги и стал дожидаться, когда сатанист очнется.

Ждать пришлось недолго: тот уже минут через пять открыл глаза, непонимающе посмотрел на Андрея, вокруг и спросил хриплым голосом:

– Это еще что такое?! Ты как посмел, червь? Ты же умрешь за это в муках! Сейчас же освободи меня, и я дарю тебе легкую смерть во имя нашего Господина!

– Послушай меня, исчадие, – спокойно сказал Андрей, глядя на лежащего у ног жреца, – сейчас ты червь, а не я.

Ты в моей власти, и во имя Господа нашего я хочу с тобой поговорить. От твоих ответов будет зависеть, умрешь ты в муках или легко. Не заставляй меня прибегать к средствам, которые развяжут тебе язык, мне это глубоко неприятно, но я это сделаю.

– Ты, червь, сделаешь? Да ты ничего больше не сделаешь!!! О Саган, убей этого червя! Пусть он покроется язвами и умрет в муках! О Саган, убей его!

Андрей внезапно почувствовал, как его серебряный нагельный крестик, который он не снимал уже много лет, висящий на шелковой веревочке, раскалился так, что чуть не обжег ему грудь. Монах с удивленным восклицанием схватился за него, распахнув рубаху, а исчадие замер, с мстительной улыбкой наблюдая за действиями супостата.

Андрей достал крестик и ощупал его, ощупал грудь – нет, грудь не обожжена, нет следов ожога, крестик был холоден, как и до того. Улыбка исчезла с тонких губ исчадия, и он еще раз попытался убить монаха заклятием:

– О Саган, Господин мой! Убей нечестивца самой страшной из мук!

Крестик в руке Андрея снова нагрелся так, что ему стало трудно держать его – но следов от соприкосновения с телом, с руками никаких! Монах удивился – видимо, такая реакция при соприкосновении креста с его телом происходила, когда исчадие возносил молитву своему кумиру.

Кстати сказать, Андрей вспомнил – он всегда чувствовал,

когда подходил близко к храмам Сагана или к исчадиям, что крестик нагревался, но списывал это на субъективные ощущения: показалось, мол. И только когда исчадие выплюнул концентрированную злую волю в виде молитвы к Сагану, крест чуть не раскалился. Раскалился ли? Ведь следов-то ожога не было!

Андрей окончательно запутался в этом чуде и решил оставить обдумывание до лучших времен. Ну чудо и чудо. Удобное чудо. Теперь он мог чують исчадий прежде, чем их увидит. Даже в полной темноте. Даже если они сменят свои обличья и притворятся обычными людьми – а вот это ох как важно!

Исчадие заметил его манипуляции с крестиком:

– Ах вот оно что! Один из боголюбцев объявился. А я думал, что мы искоренили вас всех, слащавых рабов божьих! Вижу – нет. Чего тебе надо от меня, нечестивый? Если бы ты хотел убить – давно бы убил. О чем хочешь говорить? Может, я могу чем-то тебя заинтересовать? Деньги? Еще что-то?

– Я хочу знать, почему вы стали служить Сагану. Почему вы стали такими?

– Да ты глупец! Саган – это власть, это деньги, это все в этом мире. И в отличие от твоего Бога он не требует быть его рабом!

– Что за чушь?! Ты же без его ведома и шагу сделать не можешь. И вся сила у тебя от него – и ты говоришь, что не

раб ему?

– Нет, не раб. У нас с ним как бы договоренность – я служу ему, он платит мне за службу. И надо сказать, щедро платит! Я могу иметь все, что я хочу, – деньги, женщин, лучшие кареты, власть, могу убить любого по моему желанию, кроме тех, что служат Великому Господину, и мне за это ничего не будет! Я могу делать все, что не противоречит воле Господина, – таковы условия договора. И ты спрашиваешь, зачем мы идем ему в услужение? Ты трижды глупец тогда. Я тебе предлагаю, боголюбец, отрекись от своего Бога, плюнь на крест, принеси клятву верности Сагану, и ты будешь с нами, в первых рядах у нас! Ты будешь богат, силен, здоров, ты будешь жить двести лет и больше – как позволит Господин. Я не знаю, почему на тебя не действует мое проклятие, но, может, это как раз воля нашего Господина, он позволил тебе пленить меня, чтобы ты уверовал в него. Мы тоже нужны нашему Господину – он питается от жертвоприношений, он любит души людей, особенно души некрещеных младенцев, а уж если удастся поймать боголюбца!.. Тогда его благодарность не знает предела – после принесения их в жертву тело наполняется энергией так, что неделю не хочется есть, а сил не убывает! Он милостив – он позволяет тебе делать все что хочешь. Ведь мораль – это удел слабых, удел толпы. Мораль требуется тем людям, которые не могут поручиться за свою способность принимать разумные решения. Таковы большинство людей, и поэтому большинству нужна мо-

раль. Религия предназначена для большинства, и потому она всегда несет в себе мораль. Поклонение Сагану же предназначено для тех, чей разум выше, чем у большинства людей, кто готов нести ответственность за свои действия и кто поэтому в морали не нуждается. Саган, в отличие от твоего Бога, старается поднять тебя до уровня бога, предлагает тебе стать богом! Ты можешь карать и миловать по своему усмотрению, ты становишься равен богам! Разве это не соблазнительно?! Присоединяйся к нам, и ты станешь богом!

– Скажи, а откуда в мире взялся Саган и где он обитает? Как я могу его увидеть?

Исчадие улыбнулся, как будто вопрос задал маленький ребенок:

– Сагана нельзя увидеть! Он нигде – и везде! Он появился в этом мире, чтобы показать нам дорогу к Истине!

– Ну где-то же вы взяли эти противные рожи с рогами и копытами, может, с кого-то срисовали? – усмехнулся Андрей. – Где вы взяли образец для изображения своего господина?

– Ну а где вы взяли портрет своего Бога? Мы так его видим, и все.

– А как вы становитесь исчадиями Сагана? Ну кто вам говорит, что вы исчадия?

– Мы слышим голос, который нам сообщает: «Ты мой!» И начинаем творить чудеса, волей Господина. Иногда это происходит в детстве, иногда в зрелом возрасте. Тогда за нами

приезжают другие исчадия и увозят в академию. В ней учат, как правильно воздавать почести Сагану, как пользоваться своими способностями, как вести себя соответственно рангу. И ты, когда примешь служение Сагану, возможно, дойдешь до высшего ранга – чем выше ранг, тем больше у тебя власти, ты уже сможешь карать и тех исчадий, которые неверно трактуют служение Господину.

– А у тебя какой ранг?

– Пятый, – с гордостью заявил исчадие. – У нас в городе только двое имеют такой ранг. А всего рангов девять. Ну давай развяжи меня и прими служение Господину! – Исчадие подергал руками. – У меня уже руки затекли, совсем их не чувю!

– Как же ты призываешь меня стать исчадием, если у меня, возможно, нет способностей? Вот лживая скотина! – усмехнулся Андрей. – Скажи, много людей ты принес в жертву?

– Не считал... может, тысячу, может, пять... Да какая разница?! Разве это люди? Это черви! Люди – это мы, те, кто управляет! Те, кто руководит умами, говорит, что надо делать! Они должны быть счастливы, что мы их не убиваем, а позволяем жить! Если бы не потребность Господина в подпитке душами их детей, мы давно бы их перебили. Ну кроме тех, кого оставили бы рабами – у нас тоже есть потребности. Представь только, что тебя целыми днями носят на руках рабы, вылизывая тебе зад! И это возможно, только надо

достигнуть высших рангов. У нас до восьмого ранга ограничения, вынуждены придерживаться законов – не всех, правда, но все-таки, – чтобы не возбуждать излишне толпу. Если возникают бунты, то гибнет слишком много материала. Много душ улетучивается бесполезно – ведь если их убили не исчадия, не на алтаре, то эти души просто пропадают бесполезно!

– Какова структура вашей... организации? – Андрей хотел сказать «церкви», но у него язык не повернулся употребить это слово применительно к сатанистам.

– Во главе стоит патриарх, ниже – девять апостолов девятого ранга, из них и выбирают патриарха, еще ниже восемнадцать апостолов восьмого ранга, ну а дальше уже все мы. Патриарх и апостолы живут в столице, а настоятели храмов по городам. Вот как я, к примеру. Все, достаточно. Освободи меня и прими присягу Великому Господину!

Андрей задумался: «Как узнать, откуда все взялось? Как их всех разом извести? Главное, что мне известно, – они такие же люди, только с какими-то экстрасенсорными способностями, просыпающимися в определенное время. В мире некогда появилась какая-то сила, которую они обозвали Саган. Сатана это или нет, на самом деле неизвестно. Ясно одно – они получают энергию от человеческих жертвоприношений и проповедуют античеловеческую философию. Такие, как этот тип, замазанные в крови жертв уроды не должны жить. Возможно, Господь и направил меня сюда, чтобы

я их уничтожил, зная, какими способностями к убийству я владею. По мере искоренения ереси я, возможно, и узнаю, откуда растут ноги у ситуации. Версия такая: некая сила появилась в этом мире, наделяя способностями некоторых людей, возможно – какой-то из демонов. Кто-то из этих людей сообразил, что можно использовать свою силу для того, чтобы захватить власть. Каким-то способом – вариантов много – он сколотил организацию, секту, с помощью власть имущих, и образовалась секта Сагана. Может быть, вначале богачи и не подозревали, что в конце концов они потеряют контроль над саганистами, а потом уже стало поздно. Они захватили власть над всем миром. Да и чем они мешают? Они, саганисты, такие же богачи, а управлять черню с их помощью стало гораздо легче. Вот и имеется в наличии мир Зла. Ну что же, свою задачу я понял. Пора приступать к выполнению? Припозднился я что-то...»

Андрей поднялся с места и на глазах замершего от ужаса исчадия достал из ножен на поясе большой тесак. Саганист заверещал, засучил ногами, пытаясь отдалиться от страшного лезвия, но монах неумолимо приближался, схватил того за длинные волосы и полоснул лезвием по горлу. Брызнула темная кровь, мужчина забулькал, страшно захрипел, задергался и умер, лежа в луже расплывающейся крови.

Андрей прошел вдоль стены, сорвал «иконы» и бросил их на лежащего. Показалось мало, посрывал еще богохульных картинок, сложил над телом целую поленницу из изъеден-

ных временем и дровоточцами деревянных досок (подумалось – не на настоящих ли иконах писали эти богохульные мерзкие рожи? А что, с них станется! Скорее всего так и было).

Посдергивал масляные светильники, занавески облил маслом и кинул их в кучу, затем поднес язычок пламени из светильника... пламя весело затрещало, взметнулось к потолку, выбросило клубы черного дыма. Андрей закашлялся и побежал к двери. Выйдя на улицу, он запер храм на ключ и зашагал к трактиру. Ключ он выбросил далеко от пожарища, закинув его в чей-то сад.

Монах был доволен сегодняшней акцией. Он получил много информации, очень ценной, акция прошла успешно и требовала повторения. Позже.

Сейчас он хотел только добраться до постели и лечь спать, а утром – обдумает все и разложит по полочкам...

Глава 3

– Ты слышал? Храм сгорел на Кожевенной улице! – во-
рвался в каморку Андрея Петька. – Говорят, что настоя-
тель нажрался, перевернул светильник, и весь храм сгорел
дотла! Даже крыша обвалилась, ничего не осталось! Исча-
дия бегают как наскипидаренные, теперь, говорят, к ним
проверка приедет, большие чины из столицы! Будут искать
нарушения, карать! Может, кого-нибудь в жертву принесут
или устроят массовые бои с еретиками – вот забавно будет!
Праздник точно будет. Наро-о-оду соберется в трактире...
только успевай отмахиваться. Тьфу... работы прибавится! –
внезапно поскучнел вышибала. – Давай поторапливайся, там
Василий с Матреной тебя требуют, дров наколоть надо сроч-
но.

Петька убежал, а Андрей остался сидеть на своей кровати,
раздумывая: «Вон как повернулось... интересно, они ре-
шили скрыть, что исчадие был убит, или правда думают, что
он напоролся вина и сгорел? И за ту версию, и за эту есть
свои аргументы, это понятно. А что главное в сообщении?
Главное, что приезжает важный чин... или чины! Интерес-
но, могу я до него добраться или нет? Скорее всего он бу-
дет с большой охраной. А почему с охраной? Потому, что
ему по статусу положена охрана. Но скорее всего, она бу-
дет символической, напыщенные офицеры в аксельбантах и

с плюмажем на головных уборах для красоты – кто в своем уме будет нападать на исчадие, да еще высокого ранга? Вот еще вопрос – как убить исчадие на расстоянии, когда нет винтовки или автомата? Метнуть нож? Это не на расстоянии, все равно надо подойти на пять – десять метров. Устроить подрыв кортежа? Что, у тебя есть тротил и взрыватели? Сделать порох? Можно, да. Только это будет не порох, а черт-те что – хороший порох делается из калийной селитры, а ее в природе не найдешь. Серу, наверное, можно найти – вот только не вызовет ли подозрения закупка такого количества серы каким-то разнорабочим? После взрыва, даже если я сумею его произвести с порохом, сделанным из серы и гигроскопичной дерьмовой натриевой селитры, начнутся поиски подозрительных, вот тут мне и конец. Ну с древесным углем тут проблем нет, конечно, но порох, сделанный с натриевой селитрой, – штука отвратительная. Чуть дождик брызнет, влажность воздуха повысится, и будет большой пук вместо взрыва. Что остается? Что есть такое, что бьет как винтовка? Детский вопрос. Луки и арбалеты. Лук отпадает – он, конечно, скорострельнее и бьет дальше, но из него учатся стрелять годами. Мне уже не научиться из лука стрелять как Робин Гуд. Значит, остается арбалет, тем более что меня учили из него стрелять, и применял я его не раз и не два. Только вот арбалеты те были другие, стальные, с лазерным прицелом. Да ну какая разница – с лазерным или нет? Главное, что арбалет бьет как пистолет, практически без дуговой

траектории, какая есть у лука, похож на огнестрелы, только бесшумные. Значит, надо купить арбалет. Где купить? И главное – как? Если я его куплю, то могу засветиться, кто-то вспомнит, что подсобник из трактира «Серый кот» купил арбалет, а после этого начали погибать исчадия. Что будет после этого? Подсобник-рабочий после серии неприятных для него вопросов героически умрет на арене Круга. Надо это подсобнику? Как-то не хочется... Я, конечно, верующий, но пока не святой. Не готов в рай. Кстати сказать, зря я так скоропалительно отбросил лук как возможное оружие, им тоже надо владеть, но это уже позже... вначале арбалет».

Андрей колот смолистые чурбачки, складывал поленья в ровную горку и поглядывал на входящих и выходящих из трактира людей. В основном клиентами трактира были наемники-охранники и заезжие купцы. Местных, коренных ремесленников или торговцев, было довольно мало. Возможно, они облюбовали другие питейные заведения, а может, вообще не ходили по злачным местам – хотя вряд ли. Наличие такого огромного количества этих самых заведений свидетельствовало о том, что горожане любили их посещать, иначе бы эти заведения давно вымерли. Просто, скорее всего, у людей имелись свои предпочтения насчет посещения тех или иных трактиров. Вряд ли в «Серый кот» потащатся гомосексуалисты, когда известно, что хозяин трактира их терпеть не может. Вот проституток хватало везде. Самое отвратительное, что, как узнал Андрей, считалось вполне нормальным, если

добропорядочная мать семейства вечером идет подработать проституцией или отправляет на панель свою дочь. Или еще хуже – вместе идут на панель, ну как будто на прогулку.

Исчадия поощряли распутство – говорили, что это угодно Сагану, а женщины вообще не должны отказывать мужчинам – их предназначение удовлетворять мужчин.

Так что в трактире частенько пребывало не меньше десятка таких непрофессионалок, точнее сказать, полупрофессионалок, пользующихся спросом даже больше, чем проститутки, посвятившие этому ремеслу жизнь.

Не раз и не два Андрею предлагали воспользоваться услугами этих дам, но он отказывался – в душе он так и оставался монахом, хотя в этом мире распутства и его приверженность чистоте могла дать трещину. В прежней, до монастыря, жизни он никогда не отказывал себе ни в хорошем вине, ни в обществе красивых женщин. Первое время в монастыре он аж на стену лез, так ему хотелось секса... потом пообвык. Но тут было слишком много раздражителей...

Андрей еще активнее принялся махать колуном, с удовольствием разбивая звонкие чурбаки.

Внезапно его взгляд привлек один из стражников, вооруженный кроме обычного вооружения арбалетом. Он зашел в трактир, а Андрей задумался: «Вот и арбалет. И покупать не надо. Подстеречь в тихом месте, стукнуть по башке – и арбалет твой. Только не зашибить бы до смерти этого придурка-стражника... Да хоть бы и зашибить – служит ведь исча-

диям, так чего с ним церемониться? Может, и так...»

Часа два он рубил и подтаскивал к кухне дрова, поглядывая на то, как наливаются вином стражник, прислонивший арбалет к столу. Наконец солдат встал с места, покачнулся, поднял арбалет, положил его на плечо и вышел из трактира.

– Василий, я пойду схожу в лавку, мне надо иголку купить и ниток, поистрепался, надо подшить кое-что.

– Да Матрена тебе зашьет, чего ты будешь сам корячиться. У бабы и получится лучше, чем у тебя!

– Да, Андрей, давай я зашью, чего стесняешься? – откликнулась Матрена.

– Нет, спасибо, я сам. – Андрей открыл дверь и встал на пороге трактира. – Я быстро обернусь.

– Ладно, только не задерживайся, у нас скоро будет наплыв посетителей, помогать на кухне надо будет.

Андрей осторожно зашагал за солдатом, который уже отошел метров на двести. Он опасался упустить его из виду, а еще больше опасался того, что тот направляется на службу, а не домой. В этом случае его акция будет провалена. В этот раз.

Впрочем, вряд ли тот шел на службу, нажравшись-то. Скорее всего сменился со службы, зашел в трактир, а сейчас идет домой или к бабе. Ведь что делать, когда ты нажрался и считаешь, что весь мир у тебя в кармане? Ну конечно – идти искать приключений на свою пятую точку.

Солдат шел медленно, его коренастая фигура в потертой

кольчуге и стоптанных сапогах качалась из стороны в сторону, но он упорно преодолевал притяжение планеты и двигался вперед, сжимая вожаденный для Андрея предмет, удерживая его на плече. Старый вояка даже пьяный заботился об оружии и не выпускал его из рук.

Добротные дома на улице сменились простенькими домишками, те – хибарками, почти лачугами бедняков, и на улицах встречалось все меньше народу. Наконец солдат и его преследователь оказались в промежутке между длинными заборами – улица тут была очень узкой, между заборами было не более пяти метров.

Андрей прибавил шаг, догоняя солдата, приготовился к удару... и вдруг солдат резко остановился, обернулся и сказал практически трезвым голосом:

– Решил меня ограбить? Не советую. Я располосую тебя на части быстрее, чем ты скажешь «ап!». Ты идешь за мной от самого трактира, и ты подсобный рабочий в нем, я тебя там видел. Итак, есть несколько вариантов. Первый: я сейчас делаю попытку убить тебя, ты убегаешь, я нахожу тебя в трактире и достаю там. Второй: я не смогу тебя убить, так как, возможно, ты исчадие, в чем сомневаюсь, иначе ты меня давно бы убил. Третий – я не смогу тебя убить, потому что ты трезвый и более умелый в воинском искусстве – это тоже сомнительно, зачем бы ты работал в трактире, если бы обладал способностью завалить Федора Гнатьева. Четвертый – я тебя просто отпускаю, и ты уходишь, и мы навсегда забываем

этот случай. И наконец, пятый – мы сейчас идем с тобой ко мне домой, разговариваем за жизнь, ты мне рассказываешь, какой ты несчастный и как у тебя не удалась жизнь, мы с тобой выпиваем, я даю тебе серебреник, и ты уходишь домой. Что выбираешь? Может, попытаешься напасть?

– А ты умеешь пользоваться этой железкой? – насмешливо улыбнулся Андрей и показал на саблю, висевшую на боку солдата. – Она вообще не прижавела там к ножнам-то?

– Эта-то? – усмехнулся солдат и мгновенно выхватил из ножен клинок, блеснувший в лучах солнечного света чистой заточки и узорами, похожими на узоры инея. – К твоему сведению, я мастер фехтования, и, если я пьян, это не означает, что я менее опасен, чем когда трезв.

– А самому-то не стыдно стоять с обнаженным клинком против безоружного? – еще больше развеселился Андрей. Солдат ему нравился, вот только жаль, что не удалось добыть самострел. Впрочем, может, и правда поболтать с воякой, можно выведать что-то, что ему пригодится в будущем.

– Да кто знает, безоружен ты или нет, может, ты проклятое исчадие и просто со мной играешь, а через секунду убьешь! Только надеюсь, пока я гнию заживо, отрубить тебе башку. Одной гнидой станет меньше!

– Хм... ты так ненавидишь исчадий? – удивился Андрей. – И не боишься вот так болтать об этом с первым встречным?

– Положим, ты не первый встречный. И еще надо дока-

зять, что я что-то говорил. Вокруг вроде как нет свидетелей? Или у меня глаза их не видят?

– Нет свидетелей. Ну что же, Федор Гнатьев, пошли побеседуем за жизнь. Может, уберешь все-таки свою железку?

– Э-э, попочтительнее с этой «железкой»! – возмущенно прикрикнул Федор. – Эта «железка» досталась мне от деда, а куплена на юге, сделана отличными мастерами и стоит столько, сколько десятков таких, как ты, не стоят! – Солдат плавным отработанным движением убрал саблю в ножны и повернулся вполоборота к Андрею. – Пошли! Тут недалеко мой домик, там я и живу. Сразу предупреждаю – сокровищ не храню, не нажил. Кроме бутылки вина... ну, может, пары бутылей, никаких ценностей дома нет. Но и бутылки я без боя не отдам, костями лягу, а сокровище не выпущу из рук!

Минут через десять улица привела их к довольно крепкому забору, за которым стоял большой дом с облупившейся голубой краской на шершавых от времени досках. Видно было, что дом знавал и лучшие времена.

– От родителей достался, – пояснил солдат, – я тогда был в походе на Матусию, которая не хотела признавать, что вера Сагана есть самая лучшая вера на свете.

– И что, теперь признала?

– Теперь признала, – угрюмо сказал Федор, – теперь нет Матусии. Долго они держались, но куда им против исчадий? Особенно когда чума выкосила половину страны. Думаю, без исчадий не обошлось. После этого я и ушел из армии. Давай

садись, выпьем. Хоть будет с кем поболтать. А то я тут оди-
чал совсем. Пить в одиночку верный способ сойти в моги-
лу... Впрочем, не в одиночку – тоже. Ну что, за знакомство, –
поднял глиняную кружку солдат. – Кстати, как тебя звать-то?
– Андрей. За знакомство.

Они чокнулись, отпили из кружек, солдат посмотрел по
сторонам, вроде как искал, чем закусить, не нашел и махнул
рукой – нет так нет.

– И чего ты за мной тащился? Что хотел попереть? – спро-
сил Федор, продолжая отхлебывать кисловатое красное ви-
но из кружки. – Сокровищ у меня не наблюдается, железяк,
как ты говоришь, на мне более чем достаточно, можно и по
шее огрести... Так что тебе понадобилось от старого воя-
ки? – Федор неожиданно ловко пришлепнул пробегающего
по столу таракана, вытер о штанину опоганенную ладонь и
внимательно уставился в лицо гостю. – А может, тебя как раз
мои железки-то и привлекли? Интересный случай... я верно
угадал?

– Верно, – решился Андрей. – Мне нужен арбалет, а ку-
пить я его не могу.

– Почему не можешь? Дорого? Или другое что-то?

– И дорого, и не могу засвечиваться – зачем это кухонно-
му рабочему боевой арбалет.

– И правда, – ухмыльнулся солдат, – зачем кухонному ра-
бочему боевой арбалет?

– Можно, я тебе не скажу? – затвердев лицом, ответил Ан-

дрей. – Это мое дело, и я не хочу, чтобы кто-то, кроме меня, о нем знал.

– Похоже, кого-то пришить собрался? – посерьезнел Федор. – И не хочешь, чтобы дорожка привела к тебе. Могу понять. Тот, кого пришить собрался, заслуживает этого?

– Заслуживают.

– Ух ты! Да ты не одного собрался пришить, похоже на то. И дай-ка угадаю кого... ну-ка... не может быть! Так это не ты ли сжег храм Сагана? Я сразу не поверил, что это настоятель напился и поджег. И я слышал, что сюда приезжает комиссия адептов с проверкой... понятно. Теперь понятно. Но я в этом не хочу участвовать. Стоит попасть на глаза исчадию, и все – труп. Если узнают, что я дал тебе арбалет – я труп. Извини, Андрей, я хочу еще пожить.

– Хорошо. Но можешь мне подсказать, где взять арбалет и не засветиться? Вариантов, кроме как ограбить солдата и забрать оружие, у меня нет.

– Ну что тебе сказать... вариантов, кроме как ограбить солдата, у тебя нет. Что ж... считай, ты меня ограбил. Смотри, не сдай меня.

– Сколько я тебе должен? – настороженно спросил Андрей.

– Все равно у тебя столько нет. Давай так: скажи, почему ты ополчился на исчадий, и мы в расчете. Мне просто интересно. И как ты сумел убить исчадие... хотя это как раз несложно – они обнаглевшие, даже не могут и подумать, что

кто-то решится на них напасть. Впрочем, сейчас уже могут подумать. И вряд ли подпустят к себе чужого, вот почему тебе и нужен арбалет. Итак, чем тебе насолили исчадия?

Андрей посмотрел в лукавые, окруженные морщинками серые глаза солдата, медленно расстегнул верхние пуговицы своей рубахи-косоворотки и достал серебряный крестик.

– Боголюб?! Я что-то подобное и подозревал. И не боишься носить крест на себе? Если кто-то увидит и донесет – ты или жертва, или развлечение на Круге. Непонятно, как ты вообще выжил в городе, как это никто не донес. За сообщение о боголюбe награда – двадцать золотых. Представляешь, сколько вина можно купить на двадцать золотых? Ты небось в месяц один золотой зарабатываешь, а тут целых двадцать! Да не играй, не играй желваками... Я не собираюсь тебя сдавать. Мои деды, отец и мать молились Богу. Я не могу себя назвать боголюбом, но то, что сейчас творится вокруг, это нельзя терпеть. Только почему ты думаешь, что, если уничтожить исчадий, ты поправишь дело? Что жизнь станет лучше? В конце концов тебя вычислят и ты умрешь на жертвенном камне! Думаешь, я не вижу и не понимаю, что происходит? Думаешь, другие не понимают? Просто мы ничего не можем сделать. Потому и заливаем мозги вином, чтобы не видеть, чтобы забыть то, в чем мы вынуждены участвовать, чтобы выжить. Я неспроста даю тебе арбалет – может быть, это и мое искупление, может, так хоть часть вины за то, что я не нашел в себе силы вмешаться, сброшу с себя.

– Что тебе сказать, Федор... я тоже искупаю. Я не из этого мира. Как я здесь оказался – сам не знаю. В своем мире я был вначале солдатом, исполняющим грязные и кровавые приказы командиров, а потом наемным убийцей, который получает деньги за устранение людей. Но я раскаялся, уверовал в Бога и просил Его о прощении. Вот и допросился... Что я могу сделать в этом мире? Как избавить его от этой нечисти, от этого зла? Только убивать тех, кто является носителем зла. И я буду убивать. Чем больше я убью исчадий, тем меньше их будет в мире, значит, будет меньше зла. Наверное, это и есть моя миссия.

– Что же, у каждого своя миссия в жизни... моя, наверное, допить это вино, – усмехнулся солдат. – Допивай свою кружку, и пошли посмотрим, как ты умеешь обращаться с арбалетом. Надеюсь, что ты умеешь с ним обращаться, раз на него нацелился.

Они молча допили вино, оставили кружки на столе и через дверь в задней стене дома вышли в довольно широкий, укрытый за забором двор. Андрей удивился, что у такого непрезентабельного дома имелся двор, способный вместить несколько больших телег, так, что они могли спокойно, не задевая друг друга, развернуться на нем. Федор заметил удивленный взгляд гостя и пояснил:

– Мой отец занимался выездной торговлей, купцом был. Иногда тут скапливалось несколько повозок с товаром – видишь, склады бывшие, конюшня большая... наша семья зна-

вала лучшие времена. Если бы я пошел по стопам своего отца, занялся бы торговлей... эх... я, болван, захотел славы, военной службы – вот и результат. Старейший пьяница. Ладно. Рассказываю: арбалет у меня непростой, как и моя сабля. Он куплен на юге, где умеют выковывать сталь очень высокого качества, не ломающуюся на изгибе, очень упругую. Видишь, у него тоже узоры по стали? Это очень дорогой арбалет, стальной, он бьет на двести метров и больше. Зависит от того, какие болты применяешь. Мои болты без оперения, но летят точно – этот самострел очень, очень мощный. На коротком расстоянии он бьет без поправки практически напрямую. Смотри.

Федор специальным приспособлением взвел арбалет, вложил в него короткий двадцатисантиметровый болт и прицелился в дверь склада метрах в тридцати от них, затем нажал спусковой крючок. Тетива щелкнула, и через доли секунды стальной болт пронзил деревянную дверь склада и исчез из глаз. Солдат усмехнулся:

– Теперь представляешь, что будет, если болт попадет в человека, одетого в кольчугу? Он насквозь пройдет, если не ударится в кость. Да и в этом случае может... в общем, и сплошные латы не дадут гарантии безопасности. У арбалета только один недостаток – он медленно заряжается. Ну в сравнении с луком, конечно. Давай попробуй, как он бьет. Бери, взводи.

Андрей взял арбалет, немного неловко взвел его, вложил

болт, приложил к плечу приклад и выпустил стрелу туда же, куда попал болт Федора – его снаряд пробил двери сантиметрах в десяти от дырки. Андрей поморщился – надо привыкать к оружию. Погрешность для профессионала его класса была слишком велика.

– Ничего себе! – удивился солдат. – Ты что, когда-нибудь стрелял из такого оружия? Точность для первого раза потрясающая. Ты и правда умелец в своем деле...

– Это отвратительная точность. Мне надо тренироваться. Тут и отдача другая, и баланс другой – если на тридцати метрах такой разброс, что будет на ста метрах? А на двухстах? Нет, это отвратительно.

– А что ты хотел – незнакомым оружием, да с первого раза... Это нормально, не переживай.

– Федор, ты мне позволишь приходить сюда и тренироваться в стрельбе? Это не будет тебе в тягость? Ты где сейчас вообще служишь? Я не помешаю твоей службе?

– Нигде не служу, – грустно усмехнулся Федор. – Даже городская стража не выдержала моих запоев, и сегодня меня выгнали. Вот я и пропивал выходное пособие в «Сером коте». А как я мог смотреть на эти безобразия трезвым? Так что... никак ты мне не мешаешь в службе.

– А где работать думаешь? Есть идеи?

– Пойду охранять караваны. Довольно прибыльно, но опасно – грабителей по дорогам просто как комарья. Но другого ничего не остается. Да и совесть почище будет. Когда в

стражу шел, думал, перетерплю как-нибудь эти бесчинства, зато сытно, дома живешь, не мотаешься по городам и странам, но оказалось – не для меня это.

– Что же там такого, что ты не мог вытерпеть? – осторожно поинтересовался Андрей.

– Что? Вот ты думаешь – для чего стража? Чтобы наводить порядок, да? Нет. Стража для того, чтобы вымогать деньги у людей, чтобы зарабатывать. Если грабители напали на человека и он пожаловался стражникам – он все равно в ущербе. Если стражники поймали грабителя, они могут или забрать все награбленное себе и отпустить грабителя – он же им дает работу! – или забрать половину денег потерпевшего, а грабителя сунуть в тюрьму, это зависит от смелости стражников или же от того, какой грабитель попадется. Если из организации – так его просто отпустят за часть добычи... Дальше: могут схватить любого простолюдина, объявить преступником, например поносящим Сагана и исчадий, и сдать его в тюрьму как еретика – десять золотых награды обеспечены. Защищать кого-то от преступников? Только за деньги. А без денег – стража будет стоять и смотреть, как разносят твой дом или твоё заведение. И палец о палец не ударят, чтобы помочь. Вот если попросили богатые, влиятельные горожане – тогда да, стражники в лепешку расшибутся, бегая по их поручениям. Или исчадия что-то поручили – они кипятком ссать будут, но сделают... можно же и сердца лишиться, на жертвенном камне вырежут из груди.

Как ты думаешь, может это нормальный человек терпеть и не спиться? Эта система не выносит белых ворон – или становишься как они, или вылетаешь оттуда как пробка. Пьянство – это только повод. Там половина алкоголики, и ничего это не волнует. Главное – мое нежелание подличать. Ну ладно там получать деньги за то, чтобы утихомирить буянов в трактире, но совсем другое – хватать простолюдина и тащить его в тюрьму за то, что он якобы проповедовал любовь к Богу. Аж двадцать золотых... Уроды. Ох уроды...

– Федор, я понял тебя. Еще вопрос: ты можешь меня обучить фехтованию на саблях, мечах? Ну до тех пор пока не уйдешь с караваном. Мне хоть азы фехтования знать, я в этом дуб дубом.

– Интересно – бывший военный и не умеешь фехтовать? – усмехнулся солдат. – Как так получилось?

– У нас другое оружие. Сабли и мечи давным-давно не актуальны. Так можешь обучить?

– Могу, почему нет? У меня есть еще кое-какой запас накопленных денег. С караваном я не скоро уйду – месяца на три прожить хватит. Да и хочется поглядеть, какого ты в городе шороха наведешь... давай приходи завтра к обеду, будем учиться.

– Пока что можно я потренируюсь в стрельбе, прямо сейчас? Хочу пристрелять арбалет на разных расстояниях, почувствовать его. А завтра в обед мы займемся фехтованием, ладно? И пусть пока арбалет лежит у тебя, чтобы мне с ним

не бегать по городу... как понадобится, я его возьму.

Следующие несколько недель Андрей посвятил воинским упражнениям. В середине дня он ходил к Федору, они обсуждали последние городские новости, потом брались за тупые сабли, которые солдат достал из кладовки, после фехтования Андрей тренировался с арбалетом, а также с луком – на всякий случай надо владеть по возможности всем оружием, которое имелось в этом мире.

К концу второй недели он со ста метров уже попадал болтом в кружок размером с куриное яйцо, это был очень неплохой результат, на таком расстоянии обычному человеку и из винтовки-то попасть трудно. А в стрельбе из лука результат был поскромнее, пока удавалось попасть только с расстояния метров двадцать – тридцать.

Но Андрей не был обычным человеком, его рефлексy, немного притупленные за время бездействия, возвращались, и скоро он снова станет той машиной для убийства, которой был до монастыря.

Его достижения в фехтовании оставляли желать лучшего – за пару недель нельзя стать классным фехтовальщиком, хотя он и мог уже кое-как противостоять не слишком искусственному бойцу с мечом. Федор хвалил его, уверяя, что таких успехов многие добились бы только через полгода, не меньше, однако Андрей был недоволен своими результатами.

В трактире не приветствовали его отлучки, все уже привыкли, что Андрей с утра до вечера трудится, никуда не ходит, не пьянствует и не прячется от работы. Но он доходчиво объяснил недовольным, что не желает торчать в трактире дни напролет, как раб, у него тоже может быть своя личная жизнь.

Так что, натаскав с утра воды, нарубив дров, Андрей до вечера уходил к Федору на тренировки. Тому нравилось общаться с ним – они обсуждали городскую жизнь, разговаривали на философские темы, сравнивали типы оружия, владение которым было коньком Федора.

Он оказался действительно великим мастером фехтования. Если стрельбе из арбалета он и не уделял достаточного внимания, то во владении саблей ему не было равных. Кроме всего прочего, солдат был обоеручным бойцом и категорически настаивал на том, чтобы его ученик тренировался биться как правой, так и левой рукой, – в бою всякое может случиться, потому необходимо тренировать обе руки. Федор сказал, что заметил еще в юности – если человек тренирует параллельно обе руки, то эффект получается выше, чем если бы он тренировал только одну рабочую руку. Он не знал, почему это происходит, но заверял, что это именно так. Андрей поверил ему на слово и выполнял все его требования.

Пока что он вечно ходил в синяках от ударов тупой тренировочной саблей – Федор не жалел усилий, чтобы натаскать ученика как следует.

Наконец случилось то, чего ждал Андрей: в город приехала комиссия исчадий.

Народ из-за заборов и кустов с интересом следил, как важные фигуры в кроваво-красных хламидах ходят по пожарищу, чего-то рассматривают, переговариваются, и строил всевозможные догадки.

Город наполнился кучей буйных стражников из охраны прибывших адептов – они развлекались по злачным заведениям, насильничали, пользуясь защитой своих высокопоставленных господ, громили трактиры, в общем – бесчинствовали как могли в свое удовольствие. Настал черед и «Серого кота». Как-то вечером в трактир ввалились четверо крепких мужчин лет тридцати – тридцати пяти, в дорогой одежде, в кольчугах, украшенных золотой проволокой. Они были уже хорошо на взводе и с ходу потребовали у бармена за стойкой хорошего вина. Получив вино, один из них, высокий человек с брезгливым холеным лицом заявил:

– Чего ты мне даешь эти помои, падаль! Пей их сам, тварь! – и выплеснул содержимое кружки в лицо бармену.

Тот беспомощно отер красную жидкость и посмотрел на сидящего в углу вышибалу. Петька нехотя поднялся с места – он уже понял, что добром все это не кончится, – и подошел к буйным посетителям.

– Господа! Прошу вас покинуть заведение. Ни за что платить не надо, раз вино вам не понравилось, но предлагаю покинуть трактир, вам здесь не рады.

– Что-о? – глумливо осведомился тот, которому не понравилось вино. – Нам здесь не рады-ы? Нам нигде не рады, пес ты смердящий! Мы стража адепта Васка, и я могу тебя по полу размазать, вытереть тобой это дерьмо на полу, и мне ничего за это не будет! Понял, тварь?

– Понял. Но прошу вас уйти, – настойчиво требовал вышибала. – Уходите, прошу вас.

– Он ничего не понял, тварь эта! – нарочито удивленно обратился к своим спутникам буян. – Придется учить его манерам!

Он нанес Петьке сильный удар кулаком, на котором, как заметил сидящий в углу и поглощавший свой ужин Андрей, имелись несколько перстней с острыми шипами, видимо, что-то вроде кастета. Вернее, хотел нанести удар, но вышибала на удивление умело заблокировал удар и врезал стражнику в челюсть так, что тот улетел под ближайший стол.

Этого друзья поверженного хама терпеть уже не стали, и на Петьку посыпались удары со всех сторон – его пинали ногами, били стульями... Бармен забился под стойку, а из кухни испуганно выглядывали Василий и Матрена, не делая ни малейшей попытки вмешаться в происходящее. Посетители трактира тоже затихли, с жадным любопытством разглядывая, как четверо ублюдков забивают до смерти Петьку.

Андрей был спокоен, это было не его дело. Вышибала не вызывал у него приязни – после того что он творил на Кругу, после его рассказа о том, как он убил детей и жену боголю-

ба, Петька вышел для него из разряда разумных существ, за которых можно переживать или вступаться. Ну что-то вроде таракана на хлебном огрызке...

Наконец мордovorоты прекратили месить вышибалу, налитыми кровью глазами осмотрели с вызовом зал – мол, кто еще хочет? Желающих не нашлось. Старший поманил остальных рукой:

– Пошли. Похоже, готов ублюдок. Славно развлеклись сегодня. Эта тварь посмела дотронуться до стражника адепта! Поделом ему.

Дверь за негодяями захлопнулась, а к лежащему на полу Петьке кинулась Матрена.

– Убили ведь, убили! – запричитала она. – Не дышит он! Надо жалобу в стражу подать!

Кто-то из посетителей, попивающих вино из кружки, угрюмо и с раздражением прикрикнул на нее:

– Какая стража, дура! Подашь – сама и виновата будешь, и трактир-то спалят... Где потом я выпивать буду. Хороните потихоньку, да забудьте, что он был на свете. Это же стража адепта, кто на них попрет-то?

Матрена горестно посмотрела на труп Петьки, подняла глаза на Андрея – в ее взгляде как будто был укор: чего же ты-то не помог? У него кольнуло в сердце, но он подавил мимолетную жалость к погибшему и встал со своего места.

– Матрена, давай я оттащу его на задний двор, положу у дровяного сарая, а утром уже захороним – не в темноте же

копать?

– Оттащи... – опустошенно проронила Матрена и побрела на кухню.

Клиенты уже всю веселились – ну убили кого-то, так что же теперь, плакать, что ли? В городе каждый день кого-нибудь убивают. А тут кормят хорошо и вино не сильно разбавляют, что же теперь, прервать веселье?

Андрей взял труп Петьки за ноги и потащил в подсобку, потом по длинному коридору к выходу на задний двор и по земле к навесу у дровяного сарая. За парнем оставался длинный кровавый след, кровь текла изо рта, из ушей, из носа, трудно было даже разглядеть у него человеческие черты.

«На славу постарались уроды! – с горечью подумал Андрей. – И вот так эти подонки уйдут, и все?!»

Он положил труп под навес, задумался, потом решительно взял колун на длинной ручке и скользнул в темноту.

Негодяи шли медленно, они обсуждали все перипетии сегодняшнего вечера, как кто кому врезал, как захрипел вышибала, из которого вышибли дух. Тому, кто это сказал, ужасно понравился собственный каламбур:

– Вышибале вышибли дух! Я поэт! Вы всегда меня недооценивали, господа!

– Да, признаю, в тебе таится поэт, Шартан, когда-нибудь ты станешь главным стражником, тогда не забудь меня! – пьяным голосом подхалимски поддержал один из его соратников.

Андрей так и не понял, как связаны способности к поэзии и продвижение по службе, да и не было у него желания разбираться. Он бежал легкими прыжками, догоняя беспечных стражников – ну как можно подумать, что кто-то нападет на таких великих бойцов? И «великие бойцы» не сомневались – никто не посмеет. Это было их ошибкой.

Колун с хрустом разбил голову одного из них и обратным движением – грудь. Не помогли ни дорогая кольчуга, ни рефлекс фехтовальщика – колун проломил грудные кости и раздавил сердце.

Трое оставшихся начали выдергивать из ножен сабли, один не успел – колун переломил ему ключицу и раздробил шейные позвонки, другой все-таки достал и прикрылся саблей, глупый. Он думал, что фехтовальные приемы позволят ему отбить полупудовый колун, несущийся ему в голову со скоростью снаряда, его дорогая, украшенная золотом сабля со звоном переломилась, а голова лопнула, как гнилой арбуз.

Остался один, но самый умелый, он стоял в стойке и пытался достать Андрея колющими выпадами, которые тот с трудом блокировал рукоятью колуна, который совершенно не годился для фехтования. Совсем туго стало, когда стражник ускорился и стал наносить и колющие, и рубящие удары, от которых Андрей еле уворачивался.

Неожиданно Андрей наступил на что-то и чуть не упал, едва не попав под удар противника. Он взглянул – это была сабля, вышибленная из рук одного из негодяев. Андрей

молниеносно наклонился, схватил ее и следующий удар врага встретил клинком.

Теперь силы уравнились – противник был опытнее, лучше фехтовал, но Андрей был трезв, а кроме того, был выше противника на полголовы и имел длинные руки.

Вначале Андрей, стоя на месте, отбивал удары саблей, безуспешно пытаясь достать противника, затем ему в голову пришла хорошая мысль, и он левой рукой, в которой держал колун, нанес размашистый удар сбоку. Стражник попытался отпрыгнуть и раскрыл правую сторону тела. Андрей тут же воспользовался этим, сабля врезалась в левое бедро противника, нога его подломилась, и стражник упал, фонтанируя кровью.

– Не убивай! Я заплачу! Что хочешь сделаю, только не убивай! Все что угодно!

Андрей поднял свой «молот» и сплеча нанес несколько ударов по лежащему...

Он прислушался – вокруг было тихо. Андрей хотел уйти с места боя, но передумал и, пачкаясь в крови, обшарил убитых, забрав у них мешочки с деньгами – довольно туго набитые. Вначале он удивился – как это они целый вечер развлекались, а все деньги целы? Потом вспомнил, как они вели себя в трактире, и понял – они брали то, что хотели, и ни за что не платили.

Он собрал их оружие – даже сломанное, вынул кинжалы, сорвал с покойных золотые цепи и браслеты, убедился, что

ничего ценного не осталось, и пошел назад, в трактир.

Ему не нужны были их ценности, но, во-первых, он должен был изобразить ограбление, иначе было бы странно – за что убили? Должна быть мотивация, мол, позарились на их кошельки. Если бросить со всеми ценностями, есть шанс, что трупы оберет уличная шпана, но могут наткнуться и стражники, они удивятся – если не было ограбления, то за что убили их коллег, – и начнут копать. Оружие тоже стоит денег, так что оставить его грабители не могли. Почему одежду не сняли? Кольчуги ведь дорого стоят, и одежда богатая! Времени не было, собрали что могли, да и свалили. Кстати сказать, возможно, утром на трупах и одежды не будет, разворуют. А во-вторых, ему тоже нужны средства, просто чтобы жить и иметь возможность быстро исчезнуть из города. Опять же – оружие, теперь есть свои сабли. В каморке хранить их нельзя, так что завтра переправит в дом к Федору. Да и ему можно денег дать – чем дольше он не уйдет с караваном, тем дольше будет обучать Андрея фехтованию.

Отсутствие Андрея в трактире осталось практически незамеченным – он положил колун с зарубками от ударов сабли на место, в сарай, предварительно стерев с него кровь и мозговое вещество, подумав при этом: «Хорошо, что тут нет судебной экспертизы!»

Оружие Андрей спрятал у себя в каморке под кроватью, завернув в прихваченный на конюшне кусок брезента, и прошел в зал трактира.

Там шло безудержное веселье – скакали пьяные наемники, подвыпившие купцы с красными мордами тискали девок, сидящих у них на коленях. Андрей направился к пустующему месту вышибалы в углу, и тут одна из девиц игриво ухватила его за ширинку, видимо думая, что это забавно и весело. Андрей молча хлопнул ее по руке так, что девица заорала от боли.

Огромный купец поднялся, покачиваясь, и наехал на обидчика:

– Ты че, урод, мою бабу обижаешь? А? Тебе че, в рыло дать? Ну че смотришь, как баран карнопольский? Скотина безрогая!

Купчина явно напрашивался на драку – обычно подобные ситуации разруливал вышибала, но он остывал возле дровяного сарая, устремив в ночное небо изуродованное лицо...

Андрей резко ударил мужика в живот и, когда тот согнулся, взял его руку на болевой прием и повел из трактира. У порога резко толкнул пьяного в зад ногой, открыв его тушей дверь. Купец вылетел из трактира будто снаряд из пращи и загремел по ступенькам, подвывая как раненый зверь.

Андрей подождал немного – не вернется ли – и уселся в углу. «Может, сменить работу? Конечно, таскать воду и дрова безопаснее – но вышибалой прибыльнее. И опыт, типа, уже есть», – усмехнулся он, вспомнив только что вышвырнутого из трактира мужика.

– Андрей, может, посидишь сегодня вышибалой? – робко

осведомился бармен. – Я скажу хозяину, он тебе заплатит за этот вечер. А там, может, и насовсем вышибалой станешь? Я видел, как ты купца этого выкинул. И помню, как ты Ефимку отходил... Посиди, ладно? А то страшно мне что-то после сегодняшнего... хоть закрывай трактир.

– Посижу, не беспокойся. Если хозяин предложит, буду и вышибалой. Если договоримся...

Вечер прошел на удивление спокойно, как будто инцидент со стражниками исчерпал лимит неприятностей на этот день. Пришлось, правда, вывести двух загулявших возчиков, но они вели себя мирно и драться не лезли. В свою каморку Андрей попал около часа ночи, когда из трактира ушел последний посетитель – они сегодня тоже особо не задерживались.

Заснул Андрей спокойно, кошмары ему не снились.

Утром, еще на рассвете, он рванул к Гнатьеву, прихватив сверток с трофейным оружием и деньгами.

Минут через сорок Андрей уже был у знакомых ворот. Отперев засов на калитке, он подошел к дому и постучал по оконной раме. Некоторое время ничего не происходило, потом дверь дома приоткрылась и в проеме показалось заспанное усатое лицо Федора.

– Ты чего в такую рань? Случилось чего? Заходи быстрее! Сейчас чай пить будем, я вчера на базар ходил, грудинки прикупил и сахару. Чего там тащишь-то?

Андрей не заставил себя упрашивать, прошел прямо в кухню и водрузил тяжелый сверток на стол.

– Чего ты на стол эту хрень впер-то? – удивился Федор. – Что там у тебя? – Он откинул края брезента и замер в удивлении. – Это что такое? Откуда?!

– Это опасная вещь. Я не могу хранить у себя. Надо спрятать. И деньги тут – сейчас посчитаем. – Андрей потрянул мешочками, отозвавшимися металлическим звоном.

Он рассказал Федору, что случилось в трактире, как потом он догнал убийц и расправился с ними.

Федор долго молчал, как бы переваривая услышанное, затем сказал:

– Да, ты настоящий убийца. Напрасно они чудили при тебе. Ну убил и убил. Сами напросились. Только ты уверен, что никто тебя не видел?

– Уверен. Было очень темно, а потом еще и луна зашла за тучи. Я не мог оставить безнаказанными деяния этих ублюдков. Ничего, скоро я доберусь и до их хозяина.

– Эх и скандал будет! – крикнул Федор. – Личную гвардию адепта завалил! Тебе или повезло, или ты правда спец по душегубству. Ну да не в том дело. Главное, чтобы на нас не вышли.

– Давай посчитаем деньги. Мне надо было изобразить ограбление, да и не оставлять же уличным стервятникам жирный кус!

Сдвинув в сторону сабли и кинжалы, мужчины вывалили

на стол содержимое кожаных мешочков. На столе образовалась внушительная горка серебряных монет, среди которых было и небольшое количество золотых. Пересчитав, приятели определили: всего шестьсот серебряных монет и пятьдесят золотых.

– Слушай, а неплохо платят у адептов, – усмехнулся Федор. – Может, податься туда в охранники? Ну не хмурься, не хмурься – шучу. Это большая сумма. На нее год жить можно – скромно, правда. Или месяц – весело. Понимаю, почему ты не захотел хранить ее у себя – откуда, мол, у подсобного рабочего такая сумма? Про оружие уже и говорить не буду... Что ж, давай прикопаю у себя. Оставь сколько надо на необходимые траты, а остальное спрячем. Пошли покажу куда. Тут есть подпол хитрый – никто, кроме меня, не знает о нем. Из него выход за домом в канализационный тоннель. Дверь в тоннель всегда заперта. Ключ лежит в подполе. Если придется уходить – запомни этот ход. Иди за мной.

Они прошли в одну из спален, Федор подошел к подоконнику, потянул доску на себя и поднял ее вверх. Под ковром на полу что-то щелкнуло, потянуло запахом земли и холодом.

Федор откинул ковер и обнажил темный зев погребца.

– Пошли. Осторожно, тут лестница... Сейчас зажгу свечу.

Послышалось шелканье кресала, потом в темноте вспыхнул колеблющийся огонек.

Андрей подождал, пока привыкнут глаза, и рассмотрел

подвал.

Это было сухое, прохладное помещение, обшитое досками. Из него тянулся низкий, в половину человеческого роста ход, уводящий, как сказал Федор, в канализационный тоннель.

– Смотри, – подозвал Федор, – вот тут в углу тайник, в нем лежат деньги, сюда и твои кладу. Если что-то со мной случится, заберешь все. Тут же ключ лежит от двери в тоннель.

– Надеюсь, ничего не случится, – буркнул Андрей. – Ты это... бери денег сколько надо. Ты мне помогаешь, да и за арбалет я тебе должен. Так что не стесняйся, бери, если что.

– Разберемся. Не должен ты мне ничего. Главное – не попадись. Оружие положим наверху, в мой оружейный ящик. Сейчас посмотрим, что за клинки ты там отобрал у этих уродов. Пошли наверх.

Оказавшись в комнате, Федор за кольцо потянул крышку подвала наверх, и она с щелчком встала на место – видимо, замкнулся какой-то невидимый замок. Доска подоконника уже стояла как обычно.

– Тэ-э-экс... эта дрянь, только золотишка на ней куча. Эту ты пополам расхреначил – колуном, да? Силен! Эта... ну ничего, но так себе, баланс дрянь, рукоятку всю изукрасили, тяжелая стала, лезвие прослабили узорами – хрень, а не сабля. Эта? О! Эта недурна!.. Конечно, не такая, как моя, но неплоха, неплоха... рукоять простая, украшений минимум, ножны простые... это нормальный рабочий инструмент. Вот

эту не стыдно и в руки взять! – Федор сделал несколько взмахов и выпадов. – Вполне можно использовать профессионалу. Не помнишь, последний охранник какой саблей бился? Сдается мне, вот этой, приличной. Не зря ты его последним убил – это был профессионал, и, похоже, тебе повезло. Надо усилить тренировки в фехтовании, боюсь, что один из таких типов может тебя достать. Вот когда начнешь почаще меня доставать клинком на тренировке, тогда ты с ними как-то сможешь сравняться. А пока – тебе сильно повезло.

– Слушай, а ты не можешь мне помочь? Эти негодные сабли продать бы, а вместо них мне нужна хорошая, очень хорошая кольчуга, и чтобы она была зашита под куртку, чтобы снаружи не было видно. Это можно сделать?

– Можно, только надо повременить чуть-чуть... боюсь я, что искать сабли будут. Полезут к скупщикам, к оружейникам, будут проверять – не сдавал ли кто-нибудь им оружие. Я вот что сделаю – возьму деньги и схожу к оружейнику. Сейчас мы измерим твой рост, объем груди, и я сегодня подберу тебе кольчужку. Надо, чтобы на груди были пластины, на спине тоже, но ничто не сковывало движений. Тяжеловата будет, конечно, но ты парень не слабый. Вон как колуном размахивал, – улыбнулся в усы Федор, – знатный ты дровосек.

На пороге трактира Андрея встретил хозяин Петр Михалыч. Он был рассержен, а редкие волосенки на его голове

торчали спутанными вихрами.

– Ну где ты бродишь?! Кто Петьку хоронить будет? Я, что ли? Эти все попрятались, боятся покойников, Ефимка кричит, что тоже покойников боится, с кем мне хоронить-то его?

– А я что вам, крайний, что ли? – спокойно парировал Андрей. – Нанимайте похоронщиков, пусть везут и хоронят. А я не нанимался трупы таскать. Я, может, и сам их боюсь, покойников-то.

– Андрей, совесть имей, а? Ты же вчера тащил Петьку к сараю, как это ты боишься-то?

– Это я с перепугу, – усмехнулся Андрей. – А если серьезно – не буду я заниматься похоронами. Делайте что хотите. Сказал вам, наймите похоронщиков, они все устроят. Сэкономить решили, что ли? Он же у вас работал, хоть похороните по-человечески!

– Все вы хотите чужими деньгами распорядиться! В своем кармане деньги считай! – ошетинился хозяин и задумался. Видно было, что мысль о том, что ему придется платить за похороны, его не вдохновляла.

– А что, у Петьки родни нет, что ли? Некому хоронить?

– Да нет у него никого! – досадливо ответил хозяин. Похоже было, что если бы он знал хоть одного родственника покойного вышибалы, то сбагрил бы ему труп Петьки – пусть хоронит как хочет.

– А Петька жалованье-то получал? – осторожно начал Андрей.

– И что? О, верно! – просветлел лицом Петр Михалыч. – Он же его не тратил почти что, я знаю это точно, вот на его деньги и похороним. А на оставшиеся устроим поминки. И все будет по-человечески! Голова ты, Андрей!

Андрей с усмешкой подумал: «Небось уже прикинул, сколько денег покойного хапнешь, оглоед. Ну да ладно, не мое дело».

– Хозяин, скажите, а вы будете подавать жалобу на убийц в стражу? – невинно осведомился он. – Нельзя же оставлять безнаказанным убийство, они должны ответить по закону! Я всех их помню, дам показания в суде.

– Да ты охренел, что ли?! – всполошился Петр Михалыч. – Какая жалоба?! Забудь лица и не вспоминай! Из какой ты глухой деревни вылез, что не знаешь, что подавать на стражников исчадий себе дороже? Забудь, забудь, тебе говорю! Тем более что нашли этих стражников недавно – кто-то их зарубил, раздел догола и бросил трупы на улице. Говорят, банда какая-то ночная. Обобрали до нитки, так что они свое получили. И поделом! – выпалил Петр Михалыч и спохватился: – Только тсс! Я ничего не говорил! Давай-ка о деле потолкуем. Ты вчера заменял вышибалу, мне сказали. Вот тебе пять серебряников за вечер. Хочу, чтобы ты в дальнейшем был тут вышибалой, мне со стороны искать вышибалу неохота, еще разбираться надо, кто что собой представляет, а ты человек трезвый, разумный, дерешься умело, мне такой нужен. Пойдешь ко мне в вышибалы?

– А сколько получал Петька?

– Пять серебряников за день.

По тому, как хитро заблестели глаза хозяина, Андрей понял – хоть на серебряник, да надул.

– Хорошо. Я согласен на пять серебряников, бесплатное питание и питье, комнату – меня устраивает та, в которой я живу, раз в три месяца новое обмундирование – одежда, обувь, один выходной в неделю для моих личных дел, работа с пяти вечера ну и до окончания работы трактира. Пока посетители не разойдутся. Да! Забыл – больше никакой работы по кухне, впредь палец о палец не ударю. Согласны?

– Что-то ты разошелся – целый выходной раз в неделю! А как я в этот день буду без вышибалы? А если что-то случится?

– Будете договариваться со стражей, чтобы подежурили. Но, может, мне и не понадобится выходной, я еще не знаю, может, обойдусь временем до вечера. Но хочу, чтобы выходной за мной был, мало ли что, я не раб, чтобы без выходных работать. Повара и то выходные имеют.

– Ладно. Хоть это и не особо меня устраивает, но куда деваться, без вышибалы тоже нельзя. Только смотри, разобьют что-нибудь гости – с тебя вычту!

– Ну сейчас прямо! Где это видано! Все испорченное всегда клиенты оплачивают, я что, должен все их погромы оплачивать? Нет, я так не согласен, хозяин. Не устраивает – ищите другого, я прямо сейчас и уйду!

– Ладно, ладно, – примиряюще заворковал Петр Михайч, – ну чего ты раскипятился! Я пошутил! Старайся, чтобы поменьше было ущерба, и все. Не доводи до разгрома, это самое главное. А как ты этого добьешься – твое дело.

Воспользовавшись своим новым статусом, Андрей отправился в свою каморку отдыхать. Ночью он хорошо потрудился. Теперь настало время потревожить исчадий, и начать он решил с адепта, чьим именем козыряли охранники. Как там его? Вак?

Глава 4

Работа вышибалы Андрею не то чтобы понравилась, нет, но она не вызывала у него ощущения третьесортности, как когда он работал «кухонным мужиком». Уже неделю он занимал столик в углу обеденного зала, наблюдал за происходящим и отслеживал представляющие опасность объекты. Конфликты случались довольно часто, но к концу первой недели пошли на убыль – Андрей жестко пресекал все попытки побуянить в трактире, и даже заядлые громилы поняли, что с ним лучше не шутить. Ну а как будешь вести себя развязно с человеком, который молча выслушивает оскорбления, а потом вырубает на месте и как кучу падали выкидывает за дверь?

Так что завсегда так четко усвоили: устраивать побоища опасно для их здоровья. Словом, жизнь Андрея стала гораздо спокойнее. Ночами он тратил время на то, чтобы обследовать город – пути отхода, удобные места для засад, несколько вариантов того и другого. Целью был главный адепт – Васк.

По городу этот адепт всегда передвигался в сопровождении охраны, и хоть она была слегка прорежена тяжелой рукой монаха, но ее хватило бы, чтобы покрошить целый полк. Кроме охраны рядом с Васком всегда находились несколько исчадий, вооруженных смертельными проклятиями. Кстати сказать, Андрей так и не понял, почему проклятие убитого

им исчадия на него не подействовало, он списал это на божественное вмешательство.

В общем, организовать убийство этого монстра было очень непросто. Помог случай – по городу прокатился слух, что Васк осчастливил одного из купцов, взяв в наложницы его старшую дочь пятнадцати лет с очень симпатичным личиком, имевшую неосторожность идти по улице среди белого дня. Отказать исчадию, а тем более адепту мог только идидот, в случае отказа вся семья закончила бы жизнь на жертвенном алтаре, а так – позабавится, может, еще и не совсем покалечит. Зато все остальные живы будут.

А забавляться Васк желал у купца дома, в этом есть особое удовольствие – войти в дом любого человека и взять все что хочешь, даже его детей. А иначе зачем нужна власть?

В общем, дом купца стоял не в таком оживленном месте, как собор, а значит, шансы безнаказанно уйти были выше.

Андрею не составило труда отследить часы посещения адептом осчастливленной семьи. Обычно это было ночью, после того как в полночь заканчивалась черная месса, в которой должен был участвовать каждый адепт, где бы он ни находился. Никто не мешал Андрею примерно в это время выйти минут на пятнадцать, сделать свое дело и вернуться в трактир.

Поздней ночью Андрей выскользнул за дверь и бегом бросился по переулку, который шел перпендикулярно нужному направлению, – чтобы никто, если вдруг заметят, не сопоста-

вил его передвижения и последующие события. Выполнив отвлекающий маневр, он поспешил к дому купца.

На улицах было темно, никакого освещения, кроме света луны, не было предусмотрено – кто будет оплачивать освещение улиц? Богатые люди всегда имеют слуг с факелами, а бедные... ну что бедные, кого волнует, как они ходят? Ну проломит себе башку какой-то сапожник или плотник, и что? Бабы еще нарожают...

Андрею было на руку отсутствие света, тем более что прибывшего к дому купца адепта, окруженного факелоносцами, было видно издалека. Андрей за спиной нес арбалет, прихваченный им заранее и ждавший своего часа в камерке среди барахла. Он приделал к нему лямки, как у рюкзака, и теперь арбалет не бил ему по спине, а плотно лежал между лопаток, как затаившийся смертоносный зверь.

На все передвижения у Андрея ушло минут семь, и вот он уже лежит за пышными кустами отцветшей сирени, густо разросшимися возле забора. Отсюда хорошо был виден находящийся через дорогу дом купца, скучающие гвардейцы адепта, охранявшие карету и следящие, чтобы никто не подходил к ней ближе чем на два метра. Впрочем, подходить было некому – поздняя ночь. В такое время по улице бродят или припозднившиеся гуляки, или поджидающие их грабители.

Адепт вышел минут через десять после того, как Андрей засел в кустах. До кареты было метров семьдесят, и Андрей

не сомневался в точности выстрела – он уже отлично натренировался обращаться с арбалетом, тем более что стрельба из этого оружия была очень похожа на стрельбу из винтовки – вот только расстояния другие да звук не тот.

Болт вложен в арбалет, прицел взят... Адепт повернулся, довольно потягиваясь, как сытый кот, и тут ему в висок ударила арбалетная стрела. Адепта отбросило в сторону, как будто по голове ему врезали бейсбольной битой.

Ошеломленные охранники бросились к своему патрону, недоумевая, что же такое случилось. Андрей не стал дожидаться, когда они придут в себя, и, закинув арбалет за спину, дал деру.

Стрел с собой у него было мало – он взял всего две штуки, все равно больше раза выстрелить не удалось бы, а тащить с собой лишнюю тяжесть ни к чему. То, что охранники не сразу поняли, что адепта кто-то застрелил, дало ему совсем не лишние три секунды. Гвардейцы были слишком расслаблены и не верили своим глазам – ну кто может напасть на самого адепта? Кому в голову придет эта дурная мысль? Но пришла.

Первым очухался лейтенант гвардии, высокий светловолосый мужчина, одетый в темный камзол, с внушительной золотой цепью на шее. Несмотря на свой вид опереточного злодея, он не был дураком и быстро сообразил, откуда могла прилететь стрела.

Взревев как тигр, лейтенант показал рукой в сторону ку-

стов, где раньше сидел Андрей, и вся толпа, человек десять, бросилась туда, оставив у кареты труп исчадия и ошеломленного кучера.

За три секунды Андрей успел забежать за угол и все больше увеличивал разрыв между собой и преследователями, которым пришлось разделить: одни побежали за угол, за Андреем, другие – в противоположную сторону. Стражники не видели его, но других путей отхода просто не было.

Андрей ушел бы вполне безнаказанно, однако на его беду дверь какой-то забегаловки открылась и пробежавший мимо убийца попал в поток света из обеденного зала. Преследователи увидели его фигуру и поднажали.

Задыхаясь от бега, Андрей подумал: «Давно не тренировался, надо бы кроссы почаще делать. Форму теряю. А гвардейцы довольно шустрые... видимо, стараются тренироваться. Или же ярость сил придала... надо или заводить их куда-то и отрываться, или же мочить всех. Иначе я приведу их в трактир. Вот тогда будет взаправду плохо».

Он свернул в переулок, ведущий, как он помнил, в трущобы, к крепостной стене, и, сорвав со спины арбалет, пристроил на него болт.

Первый же попавший в поле зрения стражник схлопотал болт в грудь, и это поумерило прыть преследователей – получить в темноте неизвестно откуда прилетевший смертоносный гостинец никому не хочется.

Андрей усмехнулся: «Почему это, интересно, они раньше

об этом не подумали? Ведь ясно, что гнаться за стрелком не так уж и безопасно. Увы, стрел больше нет, а потому сваливать надо поскорее, пока они там менжуются за углом. Надо было все-таки штук пять болтов взять, я бы тогда их всех тут положил. Ну да что теперь жалеть... кто знал, что эти идиоты бросятся в темноту за стрелком. Расслабились, видать, на хозяйских харчах, страх потеряли».

Через пятнадцать минут он уже был в своей каморке. Вся операция заняла гораздо больше времени, чем Андрей планировал, и это его обеспокоило. Такие длительные отлучки могут быть в конце концов замечены, и сложить два и два сможет любой мало-мальски разумный человек.

«Как бы я начал поиски убийцы после этого великого шума? – размышлял Андрей, лежа в кровати. – Я бы пошел по всем трактирам и рынкам, расспрашивал бы всех подряд о чем-то подозрительном, обо всех людях, недавно появившихся в городе. Начал бы с пожара в храме – теперь, после гибели адепта, его уже вряд ли спишут на случайность, значит, будут в первую очередь проверять всех пришлых. Муторная и тяжелая работа? Да ничего подобного. Побольше людей, и они угрозами и силой заставят рассказать обо всем, что происходило последнее время, обо всех подозрительных людях. Тот же конюх точно заложит меня, значит, скоро будут трясти. Утром надо отнести и спрятать у Гнатьева арбалет. И вообще, я слишком привязан к пивной, не пора ли сменить работу? Вот только на что жить? Хотя... есть одна

Рано утром Андрей замотал в тряпку арбалет и понес его к Гнатьеву. Шел окольными путями, пройти мимо дома купца не рискнул.

Разбуженный ни свет ни заря Федор долго таращил глаза, ничего не понимая, потом схватил арбалет и утащил в дальнюю комнату со словами: «Подальше положишь, поближе возьмешь!» И ушел досыпать.

Теперь Андрей мог быть спокоен – с убийством его ничто не связывает. Ничто? А то, что его видели при свете из открытой двери трактира гвардейцы? А это ничего не значило – в полутьме, на бегу, при неверном свете что там можно разглядеть? В общем, он успокоился на этот счет.

В трактире было тихо, даже первые постояльцы еще не встали, только на кухне уже начала возиться и гроыхать котлами повариха – кто-то же должен накормить завтраком постояльцев. Утреннее время у Андрея было не занято, так что он со спокойной совестью снова улегся спать – ночью удалось поспать только часа два, не больше.

Разбудил его шум – все бегали, суетились, что-то обсуждали... впрочем, понятно что, убийство адепта не могло пройти незамеченным. Андрей встал, оделся и пошел в обеденный зал, на ходу протирая глаза и зевая.

В зале шло горячее обсуждение – люди размахивали руками, перебегали от стола к столу, спорили до хрипоты. Ан-

дрей прошел на кухню, налил себе горячего компота, отрезал шмат от окорока и уселся завтракать в углу, как обычно наблюдая за происходящим.

– А что ты думаешь по поводу того, кто убил адепта Васка? – подсел к нему Василий. – Тебе как будто неинтересно! Шум такой в городе, а ты спокойно сидишь и лопаешь!

– А что мне, плакать, что ли? Или радоваться? Я видеть-то его никогда не видал, да и не хочу. Ты-то чего так разволновался?

– Хм... не знаю... странно как-то. Уже давно на исчадий никто не нападал, а тут целый адепт! – Василий недоуменно пожал плечами. – Чем кончится, даже не знаю. После того как какой-то грабитель случайно убил на улице исчадие, спьяну перепутав его с менялой, было большое дознание, много людей закончили жизнь на жертвенном алтаре. А тут – целый адепт! Я даже подумать боюсь, чем это закончится!

Андрей с трудом проглотил кусок, вставший в глотке. Об этом он как-то и не подумал, он судил о деле по меркам Земли – убийство, следствие, находят или не находят убийцу, ну и так далее. А чтобы вот такие массовые репрессии... теперь он понял, почему исчадий не убивают – себе дороже. После их гибели начинаются массовые казни, и люди сами сдают преступника, если он до тех пор не будет пойман. Или не явится с повинной... От нехорошего предчувствия у него защемило сердце.

И нехорошее не заставило себя ждать. К обеду город был

перекрыт – никого не впускали и не выпускали через городские ворота, пронесся слух, что ждут армейское соединение, чтобы пропустить все население города через сито следствия и найти виновного, а армия нужна для силового решения этого мероприятия на случай бунта.

Люди говорили, что вся семья купца, включая любовницу адепта, была заточена в тюрьму. Это и понятно – возле дома купца совершилось убийство, а он вряд ли был рад, что его дочерью забавляется исчадие, возможно, он и организовал акт мести. Ну а если не он, так все равно сгодится для жертвоприношения – не сумел уберечь адепта, пусть отвечает. Несправедливо? Это как посмотреть. Высшая справедливость – интересы Сагана и его приспешников, а остальное чепуха.

Андрей опять задумался: если последствия смерти адепта так страшны, принесут беду множеству людей – зачем ему убивать исчадий? Может, его миссия совсем не в том? А в чем?

Позавтракав, он потащился к Федору. Каждый день они согласно уговору занимались фехтованием на саблях и мечах. Гнатьев был исключительным фехтовальщиком, возможно, одним из самых лучших фехтовальщиков своего времени. Есть люди обычные, они занимаются обыденными вещами – ходят на рынок, работают в мастерской, обрабатывают поля, но есть люди, которым судьба уготовила иное. Это воины. Их рефлексy гораздо быстрее, чем у остальных лю-

дей, – возможно, сигналы по их нервам проходят в несколько раз быстрее. Конечно, многие из таких «мутантов» остаются незамеченными – ну как может проявиться эта способность у зеленщика или кожевника? Но если человек оказался в нужное время в нужном месте, эти способности проявлялись в полном объеме, и тогда возникало что-то феноменальное.

Скорость реакции у Гнатьева была потрясающая – сабля плела в воздухе невероятные кружева, оказываясь в близости от тела Андрея так часто, что он прекрасно понимал: случись настоящий бой с Федором, он бы не выстоял против него и пяти секунд. Стоит заметить, что Андрей и сам был из породы воинов, годы войны и тренировок закалили его и превратили в совершенную машину убийства, но до Федора в фехтовании на длинных клинках ему было очень далеко. Андрей давно уже не встречал людей, которые могли бы ему противостоять на равных, и в рукопашном бою Гнатьев не смог бы устоять против него, но на саблях... на саблях тот был царь и бог.

Сегодня они около часа изучали связки, переходы и стойки, потом столько же времени бились в спарринге, где Федор наставил Андрею синяков, приговаривая: «Ничего, ничего – зато, может, жив останешься, если что!» Потренировавшись, они уселись за стол пить чай.

Федор отхлебнул из глиняной выщербленной чашки, прищурился, глядя на Андрея, и сказал:
– Что сегодня ночью-то сотворил?

– Я адепта завалил.

Федор поперхнулся, долго кашлял, вытирая глаза, и потом сиплым голосом наконец выговорил:

– Ты понимаешь, что натворил? Теперь весь город на уши поставят!

– Ну и поставят... не найдут. Никто не знает, что это я... кроме тебя.

– Намекаешь, что только я могу разболтать? Нет, я не разболтаю. А вот ты наивно думаешь, что кто-то будет вести расследование, искать виновного путем умозаключений. Ничего такого не будет. Будет все очень плохо. Сюда пригонят войско, обложат город и вырежут всех. Если не всех, то большинство. И будут резать до тех пор, пока виновник не найдется или пока не назначат такового. Вот так, Андрей.

Он недоверчиво посмотрел на Федора – неужели это реальный сценарий? И тут же внутренний голос ему сказал: «Реально. Ты забыл, что находишься не на Земле, где правоохранительные органы хотя бы пытаются изобразить видимость расследования, придерживаясь, хоть и формально, каких-то законов. В этом мире такого нет, что хотят, то и сотворят. Вспомни только Влада Цепеша, он же граф Дракула – целыми селениями на кол сажал. Ох, что-то будет...»

В трактир он возвращался озабоченный и угрюмый, автоматически отмечая все, что происходит на улицах. Народ попрятался по щелям, город будто вымер, ожидая неприятностей.

Так продолжалось неделю. Посещаемость трактира упала в разы – посетителей почти не было, не было приезжих, которые снимали комнаты и выпивали, не было купцов и мастеровых, заходящих после рабочего дня промочить горло кружкой пива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.